This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P G
3335
Z8
V67
1884
MAIN

UC-NRLF
$B 319 149

YB 55760

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

536
C613
V96

Николай Васильевичъ

ГОГОЛЬ.

[БІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА И РАЗБОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЙ, ДЛЯ ГИМНАЗІЙ.]

СОСТАВИЛЪ

Е. ВОСКРЕСЕНСКІЙ.

МОСКВА.
Типографія С. Орлова, Большая Кисловка, домъ Архипова.
1884.

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

JAN 25 1994

Дозволено цензурою. Москва, 1 Мая 1884 года.

UNIV. OF
CALIFORNIA
PG3335
Z8 V67
1884
MAIN

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Предлагаемая брошюра не имѣетъ самостоятельнаго значенія въ ряду другихъ сочиненій о Н. В. Гоголѣ. Она имѣетъ въ виду воспитанниковъ и воспитаницъ среднихъ школъ. Цѣль ея—дать имъ руководящую нить при чтеніи сочин. Н. В. Гоголя. Поэтому она сообщаетъ о Гоголѣ только самое необходимое и очень многое оставляетъ для самостоятельнаго развитія воспитанниками. Гоголь даетъ громадный матеріалъ для письменныхъ работъ и устныхъ бесѣдъ. Нѣкоторыя темы ихъ помѣщены въ брошюрѣ.

Къ изданію этой брошюры побуждаетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что, собственно говоря, о Гоголѣ, учителѣ всѣхъ почти новѣйшихъ писателей, нѣтъ ни одного со-

420313

чиненія, хоть сколько—н. соотвѣтствующаго задачамъ среднихъ школъ; кромѣ того, будучи поставлены въ самомъ концѣ учебной программы, и слѣдовательно, будучи разбираемы въ самомъ концѣ учебнаго года, сочиненія Гоголя почти никогда не имѣютъ возможности остановить на себѣ надлежащаго, неторопливаго вниманія и преподавателя и воспитанниковъ.

Е. Воскресенскій.

Ярославль 1884 г.

А. С. Пушкинъ освободилъ нашу литературу отъ подражательности, такъ долго мѣшавшей ея свободному и естественному развитію и далъ ей самобытное направленіе. Въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ онъ далъ намъ высокіе образцы поэтическаго воспроизведенія *русской дѣйствительности,* найдя въ ней богатый матеріалъ для созданія поэтическихъ образовъ. «Все было предметомъ его поэзіи», говоритъ Гоголь, «и ничего въ особенности, «исключительно: въ природѣ видимой отъ Кавказа и Крыма до бѣдной деревушки съ балалайкой и трепакомъ; въ мірѣ природы человѣческой—отъ героическаго подвига и высокаго помысла до малѣйшаго вздоха слабости. На все откликнулся онъ, какъ звучное «эхо, съ которымъ онъ себя сравниваетъ.» Съ этой многосторонностью соединяется въ Пушкинѣ замѣчательная объективность, которая позволяла ему съ одинаковымъ вниманіемъ смо-

трѣть на правыхъ и виновныхъ. Иногда, впрочемъ, побуждаемый дѣйствительностью, онъ высказывается за назначеніе поэзіи быть дѣломъ общественнымъ, быть однимъ изъ средствъ, нравственно воспитывающихъ и укрѣпляющихъ человѣка въ идеалахъ правды и добра, выступаетъ, однимъ словомъ, изъ объективнаго созерцанія дѣйствительности, но только изрѣдка: Пушкинъ видѣлъ цѣль поэзіи въ ней самой помимо всякаго служебнаго значенія. Внѣ себя поэзія не имѣетъ цѣли: «Не для *житейскаго волненья,* не для корысти, *не для битвъ,* поэты рождены для *вдохновенья,* для *звуковъ сладкихъ и молитвъ.*» Своими произведеніями Пушкинъ показалъ намъ, что такое *поэзія,* взятая сама по себѣ, поэзія вполнѣ самостоятельная и высокая этой самостоятельностью и независимостью отъ какихъ либо постороннихъ, внѣ ея лежащихъ, цѣлей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ высоко поднялъ и личность поэта, поставивъ его дѣятельность въ зависимость только отъ божественнаго вдохновенья, освободивъ его отъ всего случайнаго, мелочнаго, житейскаго, что ранѣе такъ часто унижало и поэзію и поэта.

Взглядъ Пушкина на поэзію является исто-

рически-необходимымъ. Но тѣмъ не менѣе долго оставаться на объективной, безстрастной точкѣ зрѣнія литература не могла. Еще при жизни Пушкина, во время появленія самыхъ зрѣлыхъ его произведеній, общество стало искать у него *уроковъ,* желая, чтобы поэзія его явилась въ болѣе тѣсной связи въ *съ житейскими волненіями и битвами,* и охладѣло къ нему, когда онъ не могъ указать на эту связь. И вотъ явился Гоголь, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ почитателей и цѣнителей Пушкина. Въ его произведеніяхъ жизнь отражалась уже не безралично, а только тѣ явленія ея, которыя могли служить характеристикой жизни, обличая ея зло и возвышая ея правду. Будучи прямымъ продолжателемъ Пушкина въ дѣлѣ поэтическаго воспроизведенія русской дѣйствительности, Гоголь тѣмъ не менѣе по содержанію своей поэзіи является прямою его противоположностью. Въ то время, какъ Пушкинъ любилъ воспроизводить изящную сторону жизни, показывать прекрасное въ природѣ и человѣкѣ, Гоголь воспроизводилъ ея низменную, пошлую сторону. «Обо мнѣ много говорили» «объясняетъ самъ Гоголь, но главнаго суще«ства моего не опредѣлили. Его слышалъ

«одинъ только Пушкинъ, онъ мнѣ говорилъ «всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость «жизни, умѣть очертить въ такой силѣ *пошлость пошлаго человѣка,* чтобы вся та мелочь, «которая ускользаетъ изъ глазъ, мелькнула «крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное «свойство, одному мнѣ принадлежащее; вотъ «въ чемъ мое главное достоинство.» По этому, при всемъ своемъ поклоненіи Пушкину, Гоголь сразу сталъ на самостоятельную дорогу и, смѣнивъ собою Пушкина, какъ равный по силѣ таланта, увлекъ на новый путь цѣлый рядъ даровитыхъ писателей, направленіе которыхъ извѣстно подъ названіемъ *натуралистическаго*.

Послѣ Пушкина прежде всего и болѣе всего въ исторіи русской литературы обращаетъ на себя вниманіе дѣятельность *Николая Васильевича Гоголя,* такъ какъ послѣдователи его и доселѣ даютъ наиболѣе жизненное содержаніе литературнымъ произведеніямъ.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Въ жизни Гоголя главнымъ образомъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что, являясь въ литературѣ представителемъ жизненной правды, Гоголь, какъ человѣкъ часто былъ далекъ отъ этой правды и часто былъ неискрененъ.

Для публики этотъ внутренній разладъ сдѣлался ясенъ только со времени изданія въ 1846 году извѣстной *переписки съ друзьями*. Эта книга, появившаяся въ то время, когда общество ждало отъ Гоголя продолженія *Мертвыхъ душъ*, хотѣло слышать отъ Гоголя еще болѣе вразумляющій «смѣхъ сквозь слезы» —эта книга своимъ содержаніемъ, какъ громомъ поразила истинныхъ цѣнителей таланта Гоголя. «Восточные, Западные, нейтральные—всѣ отшатнулись отъ меня, всѣ огорчились,» писалъ по этому поводу Гоголь Бѣлинскому. И всѣхъ болѣе самъ Бѣлинскій, который первый обратилъ настоящее вниманіе на Гоголя и со всею своей горячностью выдвигалъ его впередъ. Возмущенный отъ глубины души тѣми идеями, которыя встрѣчаются въ книгѣ Гоголя, Бѣ-

линскій написалъ ему извѣстное свое письмо, взводя на Гоголя тяжелое обвиненіе въ измѣнѣ его своимъ убѣжденіямъ. Но справедливо ли подобное обвиненіе, дѣйствительно ли на Гоголѣ долженъ оставаться тяжкій упрекъ измѣны своему знамени, своимъ идеямъ и убѣжденіямъ?

До сихъ поръ въ біографіи Гоголя остается много неяснаго и не совсѣмъ понятнаго, но много есть и такого, что спасаетъ его отъ подобнаго осужденія.

Николай Васильевичъ Гоголь родился 19-го марта 1809 года въ деревнѣ Васильевскѣ, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

Учился сначала дома подъ руководствомъ наемнаго семинариста, а за тѣмъ въ Полтавской гимназіи и Нѣжинскомъ лицеѣ. Въ 1829 году Гоголь окончилъ курсъ и отправился въ Петербургъ, гдѣ послѣ нѣкоторыхъ скитаній и поступилъ на службу въ одинъ изъ департаментовъ, но не надолго.

Въ 1831 году мы видимъ его преподавателемъ исторіи въ патріотическомъ Институтѣ, а въ 1834 году даже адъюнктомъ въ Универси-

тетѣ по тому же предмету. Но все это неудавалось Гоголю, особенно профессура, требующая большихъ знаній, которыми Гоголь никогда не обладалъ. Таланту его предстояла другая дорога литературная.

Въ 1832 году вышли *Вечера на хуторѣ.*

Въ 1835 году—*Миргородъ и Арабески.*

Въ 1836 году—*Ревизоръ.*

Въ этомъ же году Гоголь отправляется за границу и живетъ тамъ по 1848 годъ За границей написаны 2 тома *Мертвыхъ душъ.*

Побывавъ въ Іерусалимѣ, Гоголь возвратился въ Россію.

Умеръ Гоголь въ Москвѣ 21 февраля 1852 года и похороненъ на Даниловскомъ кладбищѣ.

1846-й годъ, годъ изданія *переписки,* нѣкоторые считаютъ годомъ внутренняго *перелома* въ Гоголѣ, но болѣе близкое ознакомленіе съ тѣми условіями, среди которыхъ приходилось развиваться таланту Гоголя, показываетъ, что подобнаго *перелома* въ Гоголѣ никогда не было, а было только естественное, ничѣмъ и никѣмъ во время не задержанное, развитіе того, что лежало въ самыхъ корняхъ натуры Гоголя

и много зависѣло отъ слабости и болѣзненности физической стороны этого писателя.

Съ молодыхъ лѣтъ до самой смерти, все болѣе и болѣе усиливаясь и, слѣдовательно, все болѣе и болѣе овладѣвая бодрымъ духомъ писателя, преслѣдовала Гоголя мучительная нервная, болѣзнь, не разъ доводившая его до галлюцинацій.

Неудавшаяся служебная карьера Гоголя долгое время держала его въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Громадное напряженіе, за тѣмъ, силъ на литературномъ поприщѣ за періодъ 1831—1836 годы, въ продолженіе которыхъ вышли почти всѣ лучшія произведенія Гоголя, не менѣе громадный успѣхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, масса огорченій и непріятныхъ столкновеній по поводу содержанія этихъ произведеній—все это сильно потрясало Гоголя при его крайней природной впечатлительности и, конечно, развивало болѣзненные зародыши.

Съ 1836 года Гоголь покидаетъ Россію на цѣлые 12 лѣтъ, ѣздитъ по минеральнымъ водамъ, живетъ въ Римѣ, Ниццѣ... но ни воды, ни южный климатъ, ни всеобщее участье не поправляютъ его силъ.

Въ мартѣ 1840 года о своей болѣзни Гоголь говоритъ такъ: «если въ комнатѣ холодно, мои мозговые нервы ноютъ и стынутъ, и «вы не можете себѣ представить, какую муку «чувствую я каждый разъ, когда стараюсь, въ «то время, пересилить себя—взять власть надъ «собою, и заставить голову работать. Если же «комната натоплена, то этотъ искусственный «жаръ меня душитъ совершенно; малѣйшее «напряженіе производитъ такое странное ощущеніе всего, какъ будто бы она хотѣла треснуть.» Подобные физическіе недуги развили, естественно, ипохондрію и меланхолію, которая въ концѣ концовъ и сгубила поэта. Послѣдніе 4 года жизни Гоголя были рядомъ томительныхъ предсмертныхъ страданій.

Не тому слѣдуетъ удивляться, что Гоголь не остался вѣренъ себѣ до конца, а тому, какъ онъ могъ такъ долго и усиленно работать, какъ онъ могъ находить въ себѣ достаточно силъ, бодрости и ясности взгляда для созданія своихъ художественныхъ образовъ.

Но кромѣ природной болѣзненности Гоголя, слѣдуетъ обратить вниманія и на другія условія его жизни. Поэтическая сторона натуры Гоголя, съ первыхъ лѣтъ его жизни, находи-

лась въ очень благопріятныхъ условіяхъ для своего развитія. Гоголь воспитывался сначала дома, подъ вліяніемъ своего отца, малороссійскаго помѣщика, театрала и юмориста, дома же Гоголь проводилъ и свои вакаціи, всецѣло отдаваясь чарующей украинской природѣ. Съ другой стороны дѣдъ Гоголя, еще помнившій запорожскую Сѣчь, подробно знакомилъ его со всѣми преданіями и сказаніями славнаго прошлаго своей родины. Народныя повѣрья въ этихъ разсказахъ занимали не послѣднее мѣсто.

Все это развило въ Гоголѣ мечтательность и склонность къ романтизму, но давало мало пищи уму. Не могло дать этой пищи и внутренней устойчивости и образованіе Гоголя въ полтавской гимназіи и въ лицеѣ.» Въ Нѣжинѣ, говоритъ Ставринъ, Гоголь даже и не выучился ничему, даже русской грамотѣ». Объ иностраныхъ литературахъ, по незнанію Гоголемъ иностранныхъ языковъ, онъ всю жизнь имѣлъ самое смутное понятіе.

«Знанія Гоголя такъ и остались случайными «и отрывочными. Въ немъ созрѣвалъ могу«щественный талантъ, его чувство и наблюда«тельность глубоко проникли въ жизненныя «явленія,—но его мысль, не получившая над-

«лежащей выдержки, не останавливалась на «причинахъ этихъ явленій. Онъ рано былъ «исполненъ великодушныхъ и благородныхъ «стремленій къ благу человѣка, сочувствуя че«ловѣческимъ страданіямъ; онъ находилъ для «ихъ выраженія возвышенный поэтическій «языкъ; глубокій юморъ и потрясающія кар«тины; но при всей силѣ подобныхъ стремле«ній Гоголь не могъ вполнѣ уразумѣть ихъ и «перевести послѣдовательно въ дѣло».

Недостатокъ систематичности и основательности образованія и воспитанія не далъ въ Гоголѣ развиться и вполнѣ укрѣпиться его волѣ и яснымъ начаткамъ вполнѣ ясныхъ и сознательныхъ убѣжденій, которыя могутъ быть у человѣка только тогда, когда умъ его съ раннихъ поръ развивается систематическимъ образованіемъ и воспитаніемъ.

Правда, Гоголь сознавалъ самъ крайнюю скудость и недостаточность своего образованія, но при своей врожденной самонадѣянности и одностороннемъ вліяніи на него той обстановки, въ которой привелось ему провести наиболѣе важные годы своей жизни, онъ пользовался для пополненія его самыми односторонними средствами.

Знакомство, напримѣръ, съ Россіей «во всѣхъ отношеніяхъ» онъ почерпнулъ главнымъ образомъ изъ *Россіи* Булгарина и изъ писемъ тѣхъ корреспондентовъ всевозможнаго сорта – барынь, графовъ, монаховъ, студентовъ, захолустныхъ помѣщиковъ,—которые, по его просьбѣ, присылали ему свои наблюденія и размышленія. Ему писали, между прочимъ, такія вещи: «русскій любитъ трудъ и нужду, и любитъ «трудъ, не какъ средство, и нужду, не какъ «нужду, а такъ, самихъ по себѣ. Продолжи«тельное наслажденіе, счастіе и спокойствіе «грептятъ ему на совѣсти. Ну, что это, говоритъ русскій человѣкъ, мнѣ все хорошо, да «хорошо; такъ не должно быть; это вражеское «навожденіе..... Знать, грѣшникъ я большой!»

Всѣ подобныя измышленія Гоголь принималъ къ свѣдѣнію и многія изъ нихъ развивалъ потомъ самъ.

Въ періодъ своихъ первыхъ опытовъ (1829—1836 г.) Гоголь успѣлъ познакомиться съ Плетневымъ, а чрезъ него съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, далѣе, въ числѣ его друзей, мы видимъ князя Вяземскаго, Погодина, Шевырева,

тѣхъ, однимъ словомъ, которые составляли тогда, такъ называемый *Пушкинскій кружокъ*.

22-хъ лѣтнимъ юношей Гоголь вступилъ въ него, съ любовью былъ принятъ и остался въ немъ на всегда.

Всматриваясь въ образъ мыслей Гоголя, нельзя не видѣть, что всѣ его представленія о жизни и литературѣ были именно представленія Пушкинскаго кружка, что, выдѣляясь изъ него оригинальностію своего таланта, Гоголь ничѣмъ почти не разнился отъ него въ своихъ теоритическихъ понятіяхъ объ искусствѣ, о религіи, объ авторитетѣ, обществѣ, народѣ. Гоголь вступилъ въ этотъ кругъ младшимъ, членомъ, какъ ученикъ среди людей, которые уже обладали зрѣлымъ развитіемъ, опредѣленными понятіями, болѣе или менѣе важнымъ общественнымъ положеніемъ и значеніемъ.

И эти люди стали для Гоголя высшей школой, довершившей его образованіе.

Что же это былъ за кружокъ?

Строго говоря, одинъ только Пушкинъ и отчасти Жуковскій могли дѣйствовать на Го-

голя освѣжающимъ и ободряющимъ образомъ; но Пушкинъ скоро умеръ и оставилъ Гоголя въ почти безпомощномъ состояніи. Вѣсть о смерти Пушкина застала Гоголя въ Италіи; письма, въ которыхъ Гоголь выражаетъ впечатлѣніе, произведеное на него этимъ событіемъ дышатъ искренностью и неподдѣльнымъ горемъ: онъ дѣйствительно чувствуетъ, что въ Пушкинѣ потерялъ все, потому что ни одинъ изъ его друзей не смотрѣлъ на него такъ прямо и просто, какъ Пушкинъ, который очень хорошо понималъ Гоголя, видѣлъ его недостатки и открыто говорилъ ему подъ часъ горькую правду; въ Пушкинѣ Гоголь дѣйствительно потерялъ нравственную опору. Г. Аксаковъ (Русь 1880, 4) увѣренъ даже, что смерть Пушкина была *единственной* причиной всѣхъ болѣзненныхъ явленій духа Гоголя.

Прочіе члены кружка, особенно послѣ смерти Пушкина, могли только содѣйствовать развитію въ Гоголѣ тѣхъ началъ, которыя выразились въ «Перепискѣ».

«Кругъ Пушкина,—говоритъ одинъ изъ изслѣ-«дователей этого періода,—послѣ его смерти «сталъ все болѣе и болѣе терять свое дѣятель-«ное значеніе, все болѣе и болѣе уединяться,

«за непониманіемъ новыхъ направленій яви-
«лось раздраженіе, вражда».

Къ критикѣ Бѣлинскаго этотъ кружокъ относился весьма презрительно и враждебно, какъ къ критикѣ дѣйствительности.

Въ такого рода обстановку и попалъ Гоголь при самомъ вступленіи своемъ на литературное поприще, не имѣя почти ничего такого, что́ бы онъ могъ противопоставитъ ей. Онъ, естественно, подчинился этой обстановкѣ; принялъ идеи кружка и руководился ими, не получая ни отъ кого другихъ понятій и указаній.

Скоро, подъ вліяніемъ этого кружка... Гоголь сталъ раздумывать о томъ, что писателю неприлично заниматься однимъ глумленіемъ; друзья внушали ему, что смѣхъ его можетъ быть вреденъ, что русская жизнь представляетъ и свои свѣтлыя стороны—и вотъ Гоголь сначала оправдывается, что онъ только временно изображаетъ пошлое и смѣшное, но что придетъ время «когда инымъ» ключомъ грозная вьюга вдохновенія подымется «изъ
«облеченной въ святой ужасъ и блистаніе гла-
«вы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, ве-

«лучавый громъ другихъ рѣчей.» затѣмъ выводитъ во 2-мъ томѣ *Мертвыхъ Душъ* нѣсколько идеальныхъ типовъ, въ родѣ добродѣтельнаго откупщика, идеальнаго пріобрѣтателя и т. п.

Съ 1842 года Гоголь принимаетъ уже тонъ наставника и руководителя душъ. Въ 1846 году является *переписка*, гдѣ Гоголь прямо объявляетъ, что всѣ его созданія—ложь и клевета, и молятъ ихъ уничтожить

Всѣ были противъ этой книги («и восточные и западные»); за нее стоялъ кружокъ друзей Гоголя, вполнѣ сочувствуя и одобряя его, находя книгу вполнѣ полезной и даже необходимой.

Плетневъ пишетъ Жуковскому:

«Въ книгѣ Гоголя я не нахожу такихъ ошибокъ, какія всѣмъ представляются. Она только оригинальна, какъ самъ Гоголь и все, имъ издаваемое... Благо, произведенное, не двусмысленно. Я знаю многихъ, которые восхищены этой новостью». Князь Вяземскій (на основаніи переписки) «видитъ въ Гоголѣ» нужный «переломъ.» «Самъ по себѣ Гоголь—великое

«дарованіе, онъ занимаетъ высокое и свѣтлое «мѣсто въ литературѣ, но какъ родоначальникъ «школы, во что хотѣли возвести его, онъ не «у мѣста, и даже вреденъ... Гоголь, рано ли, «поздно ли, долженъ былъ опомниться... Съ «благородною рѣшимостью и откровенностью «онъ круто своротилъ съ торжественнаго пу«ти своего, когда глашатаи его славы освѣти«ли всю опасность и ложность избраннаго пи«сателемъ пути».

Воспитатели Гоголя, слѣдовательно, вполнѣ раздѣляли идеи «Переписки» и слѣдовательно, книга эта не была только *личнымъ* дѣломъ Гоголя...

Но вотъ раздался рѣзкій обличительный голосъ Бѣлинскаго, его сердечная рѣчь указала Гоголю на дѣйствительную ложь и паденіе его... Свѣжій голосъ подѣйствовалъ на Гоголя сильно, исключительное вліяніе на него друзей пропало, и самъ же Гоголь начинаетъ оправдываться предъ Бѣлинскимъ и даже отказываться отъ многихъ мѣстъ своей книги. Онъ сознаетъ свою ошибку и признается, что онъ излишне поспѣшилъ, что на это дѣло «неблагоразумно подталкивали его друзья». Въ апрѣ-

лѣ 1847 г онъ пишетъ Шевыреву: «я не мо-«гу понять, отчего поселилась эта нелѣпая «мысль въ отреченіи моемъ отъ моего искус-«ства и таланта». И объясняетъ изданіе своей книги желаніемъ заставить всѣхъ встрепенуться, для чего, по мнѣнію Гоголя, одно средство: «выпустить заносчивую, «задирающую книгу». Но подобное сознаніе своей ошибки пришло уже слишкомъ поздно, и передѣлать Гоголю себя не удалось. Впрочемъ, вліяніе Бѣлинскаго сказалось, и самымъ плодотворнымъ образомъ.

Въ Русской Старинѣ за 1872 годъ появились неизвѣстные до тѣхъ поръ варіанты 2 тома Мертвыхъ Душъ, въ которыхъ нѣтъ той ложной подкладки, которая проходитъ чрезъ всѣ почти страницы 2 тома Мертвыхъ Душъ по прежнему тексту... Вездѣ обнаруживается стремленіе къ простотѣ и естественности, и даже въ характеристикѣ Улиньки устранены лишнія восклицанія и напускные восторги.

Послѣднее время своей жизни Гоголь провелъ въ Москвѣ. Между тѣмъ 2-й томъ Мерт-

выхъ Душъ былъ готовъ, и Гоголь просилъ графа Толстаго отвезти его на просмотръ Митрополиту Филарету, но потомъ рѣшился сдѣлать это самъ, когда выздоровѣетъ.

Въ это время на него напало страшное уныніе, подъ вліяніемъ котораго въ душу его закралась мысль объ уничтоженіи 2 тома Мертвыхъ Душъ, какъ неудовлетворяющаго своему назначенію. И вотъ однажды, ночью, онъ всталъ съ постели, пошелъ въ кабинетъ и началъ бросать въ каминъ одну тетрадь за другою, потомъ сѣлъ, задумался и заплакалъ...

«Была ли то минута просвѣтлѣнія, минута «высокаго торжества духа надъ тѣломъ, убаю-«каннымъ льстивыми словами недальновидныхъ «друзей, — минута, когда великій художникъ «проснулся въ слабомъ, отходящемъ въ иную «жизнь, человѣкѣ, и сказалъ: нѣтъ! Это не то «что нужно!... Задача не выполнена: сожги! «Или же это была совсѣмъ иная минута—ми-«нута умственнаго разстройства?..»

Человѣкъ (Бергъ), спрашивающій подобнымъ образомъ, готовъ стоять за первое...

Чрезъ нѣсколько дней, 21-го февраля 1852 г. Гоголь умеръ.

Обобщая и дополняя все сказанное, можно указать слѣдующую послѣдовательность въ постепенномъ развитіи мысли Гоголя:

Въ началѣ своей дѣятельности, Гоголь слѣдовалъ часто поэтическимъ побужденіямъ своего таланта, и въ то же время, не получивъ въ воспитаніи ничего такого, что̀ бы сказалось въ немъ твердостію характера и устойчивостію воли «начинаетъ усвоивать теоретическіе взгяды на тѣ или иныя общественныя явленія отъ своихъ друзей Пушкинскаго кружка.

Этотъ періодъ кончается «*Ревизоромъ*». Успѣхъ комедіи, столкновенія съ обществомъ, благодаря чрезвычайной мѣткости удара ея, огорченія,—все это произвело на Гоголя большое впечатлѣніе, онъ начинаетъ думать объ авторскихъ обязанностяхъ и при своей врожденной самонадѣянности и склонности къ мистицизму, начинаетъ считать себя учителемъ и пророкомъ, а свой трудъ—священнымъ, великимъ Но поэтъ еще одерживаетъ верхъ — и является на свѣтъ 1-й томъ Мертвыхъ Душъ. Успѣхъ его окончательно утвердилъ Гоголя въ тѣхъ мнѣніяхъ о своей роли, какія онъ имѣлъ уже давно. Свое авторство онъ считаетъ службой, а себя, такъ сказать, моралистомъ.

Подталкиваемый друзьями и собственными соображеніями, издаетъ онъ свою «Переписку», гдѣ и высказываетъ свою общественную философію съ увлеченіемъ и нетерпимостію избалованнаго человѣка.

Ошибку свою онъ скоро понялъ, но было уже поздно. Поэтическая сторона была надломлена внутреннимъ психическимъ процессомъ, болѣзнь тѣла все усиливалась, и ошибка не была исправлена.

Злостной измѣны, слѣдовательно, своимъ убѣжденіямъ въ Гоголѣ никакой не было; былъ только постоянный разладъ, имѣющій, какъ кажется, достаточныя причины для оправданія Гоголя и примиренія съ нимъ, какъ во имя безпристрастія, такъ и во имя положительныхъ великихъ заслугъ этого писателя. Причины этого разлада могутъ, пожалуй, навести наблюдателя только на разныя грустныя размышленія, но никакимъ образомъ не позволяютъ оставить на Гоголѣ хотя незначительное пятно осужденія.

Примѣчаніе. Для знакомства съ жизнію Гоголя важны статьи г. Пыпина и Кулиша. Подробную библіографію о Гоголѣ составилъ

г. Горожанскій (въ приложеніяхъ къ журналу «Русская мысль» за 1883 г.).

СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ.

Въ Нѣжинскомъ лицеѣ Гоголь, хотя учился очень разсѣянно и плохо, охотно занимался литературой и за свое пребываніе въ немъ успѣлъ прочитать всего Жуковскаго и Пушкина. Это чтеніе возбудило въ немъ охоту писать. И вотъ Гоголь задумываетъ изданіе рукописнаго журнала «Звѣзда», въ которомъ и были помѣщены первые опыты Гоголя; повѣсть «*Братья Твердиславичи*», идиллія «*Гансъ Кюхельгартенъ*», трагедія «*Разбойники*» и другія мелкія статьи.

Всѣ эти опыты не имѣютъ никакого самостоятельнаго характера и даже по языку ничѣмъ не напоминаютъ послѣдующихъ произведеній Гоголя, отличаясь напыщенностью и неестественностью тона и слога, такъ какъ авторъ обыкновенный слогъ считалъ недостойнымъ литературы. Но и въ этотъ періодъ под-

ражанія иногда уже пробивается у Гоголя самобытная сатирическая струя: между разными высокими произведеніями попадается сатира, подъ названіемъ: *«Нѣчто о Нѣжинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ»*.

Кромѣ того, Гоголь получилъ дома отъ отца склонность къ театру, развивалъ ее и въ своихъ товарищахъ и, образовавъ изъ нихъ труппу, устраивалъ въ лицеѣ домашніе спектакли, привлекавшіе Нѣжинскую публику. Гоголь былъ лучшимъ актеромъ, особенно для женскихъ ролей (онъ превосходно игралъ роль Простаковой).

Серьезнѣе становится литературная дѣятельность Гоголя, когда онъ явился въ Петербургъ. Сильно бѣдствуя въ первое время, не имѣя даже средствъ сдѣлать къ зимѣ теплую шинель, Гоголь началъ искать средствъ въ литературныхъ занятіяхъ, и къ этому періоду его жизни относятся *первыя печатныя* произведенія Гоголя за разными подписями (П. Глечикъ. Г. Яновъ). Таковы: *Вечеръ на канунѣ Ивана Купала*. (Отеч. запис. 1830 г.); отрывки изъ повѣсти: *Страшный Кабанъ* (литер. газета 1831 г.); *О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка*; (Сѣверн. Архивъ) и нѣкот. другія.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ.

Въ 1831—32 году появились и *Вечера на хуторѣ близь Диканьки,* первое произведеніе Гоголя, обратившее на себя вниманіе публики и сразу доставившее Гоголю извѣстность.

Въ этотъ сборникъ входятъ слѣдующіе разсказы изъ малороссійскаго быта:

1). Сорочинская ярморка;
2). Вечеръ наканунѣ Ивана Купала;
3). Майская ночь или утопленница;
4). Пропавшая грамота:
5). Ночь предъ Рождествомъ;
6). Страшная месть;
7). Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка;
8). Заколдованное мѣсто.

Живя подъ сѣрымъ петербурскимъ небомъ, вдали отъ синяго неба родной Украины, находясь въ самой скучной и тоскливой обстоновкѣ и въ томительномъ одиночествѣ, Гоголь въ этихъ разсказахъ какъ бы переселялся на родину и съ нѣжностью и наслажденіемъ любовался и ея прекрасной природой, и малорусской жизнью, и ея старинными вѣрованіями

и легендами. Подробно, не торопясь, авторъ знакомитъ читателя со всѣмъ, что, такъ или иначе, можетъ представить его Украину въ симпатичномъ и привлекательномъ свѣтѣ, какъ сторону оригинальныхъ характеровъ, теплаго гостепріимства, патріархальныхъ отношеній, какъ поэтическій край, полный романтизма и преданія.

Не ограничиваясь своими личными воспоминаніями, онъ пишетъ домой письма съ просьбою присылать ему тѣ или другія свѣдѣнія о малороссійскомъ бытѣ. «Вы имѣете тонкій наблюдательный умъ», пишетъ онъ матери въ «1829 году, «вы много знаете обычаевъ и «нравы малороссіянъ нашихъ и потому вы не «откажитесь сообщать мнѣ ихъ. Это мнѣ очень, «очень нужно. Въ послѣднемъ письмѣ я ожи«даю отъ васъ полнаго наряда сельскаго дьячка, «отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ «поименованіемъ, какъ это все называлось у «самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, са«мыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ, «равнымъ образомъ названія платья, носимаго «нашими крестьянскими дѣвками, до послѣдней «ленты, также нынѣшними замужними и мужи«ками. Вторая статья: названіе точное и вѣр-

«ное платья, носимаго до временъ гетманскихъ. «Вы помните, разъ вы видѣли въ нашей церкви, «одну дѣвку, одѣтую такимъ образомъ.. Еще «обстоятельное описаніе свадьбы, ни упуская «ни малѣйшихъ подробностей; Еще нѣсколько «словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о ру«салкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе либо «духи или домовые, то и о нихъ подробнѣе, «съ ихъ названіями и дѣлами. Множество но«сится между простымъ народомъ повѣрій, «страшныхъ сказаній, преданій и проч.».

Кромѣ того, многими своими малороссійскими повѣстями Гоголь обязанъ своему дѣду, который занималъ должность полковаго писаря въ запорожскомъ войскѣ и въ своей семьѣ пользовался славою увлекательнаго разскащика.

Въ «вечерахъ» Гоголь не разъ упоминаетъ о немъ. «Дѣдъ мой чудно умѣлъ разсказывать. «Бывало, поведетъ рѣчь,—цѣлый день не под«винулся бы съ мѣста и все бы слушалъ... Но «ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про «ѣзды запорожцевъ, про ляховъ, про молодец«кія дѣла Подковы, Полтора Кожуха и Сайга«дачнаго не занимали насъ такъ, какъ разска«зы про какое нибудь старинное дѣло, отъ ко-

«торыхъ всегда дрожь проходила по тѣлу и «волосы ерошились на головѣ. Иной разъ, «страхъ такой заберетъ, что съ вечера все «показывается, Богъ знаетъ, какимъ чудови-«щемъ». (Вечеръ наканунѣ Ивана Купала).

При своемъ появленіи, «вечера» произвели сильное впечатлѣніе на публику. Самъ Пушкинъ далъ объ нихъ такой отзывъ: «Сейчасъ «прочелъ Вечера близь Диканьки. Они изумили «меня: вотъ настоящая веселость, искренняя, «непринужденная, безъ жеманства, безъ чопор-«ности, а, мѣстами,—какая поэзія, какая чув-«ствительность! Все это такъ необыкновенно «въ нашей литературѣ, что я доселѣ не обра-«зумился. Поздравляю публику съ истинно ве-«селой книгой, а автору сердечно желаю даль-«нѣйшихъ успѣховъ».

Но кромѣ веселости и почти непрерывнаго смѣха, съ которыми разсказаны повѣсти, онѣ замѣчательны и другими достоинствами. Онѣ полны самыхъ пластичныхъ и картинныхъ описаній природы, считающихся классическими въ русской литературѣ. Таково, напр. *описаніе Украинской ночи* въ повѣсти *«Утопленица»*,

описаніе Днѣпра въ повѣсти «*Страшная месть*, *описаніе лѣтняго дня* въ повѣсти «*Сорочинская ярмарка*» и др. Какъ та сторона, о которой идетъ рѣчь, языкъ Гоголя полонъ красокъ, самыхъ смѣлыхъ троповъ и оригинальности Мѣстами бойкая и непринужденная, разговорная, мѣстами лирически задушевная рѣчь Гоголя увлекаетъ читателя, заставляетъ его самого всѣмъ существомъ своимъ переживать повѣствуемую фабулу. Веселое содержаніе повѣстей въ общемъ исключаетъ еще грустный тонъ, такъ часто выступающій въ послѣдующихъ произведеніяхъ Гоголя; здѣсь еще почти не слышно того «смѣха сквозь слезы», который звучитъ уже довольно громко въ сборникѣ «Миргородъ,» появившемся въ 1834 г., но мѣстами и въ «Вечерахъ» слышится, хотя и слабо, уже не совсѣмъ веселая нота. Таково, наприм. окончаніе Сорочинской ярмарки: «Громъ, хо-«хотъ, пѣсни слышались тише и тише... Смы-«чекъ умиралъ, слабѣя и теряя неясные звуки «въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то «топанье, что то похожее на ропотъ отдален-«наго моря, и скоро все стало глухо и пусто. «Не такъ ли и радость, прекрасная и непо-«стоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и на-

«прасно одинокій звукъ думаетъ выразить ве-
«селье? Въ собственномъ эхо слышитъ онъ
«уже грусть и пустыню и дико внемлетъ ему.
«Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной
«юности, по одиночкѣ, одинъ за другимъ те-
«ряются по свѣту и оставляютъ наконецъ од-
«ного стариннаго брата ихъ? Скучно оставлен-
«ному! И тяжело и грустно становится сердцу,
«и не чѣмъ помочь ему!»

Темы и вопросы для изученія.

Съ какими чертами малороссійскаго характера знакомитъ насъ авторъ?

Съ какими народными вѣрованіями и преданіями? Съ какими обычаями при томъ или другомъ праздникѣ или событіи семейной жизни? Малороссійская хата и ея обстановка. Малороссійская деревня.

МИРГОРОДЪ.

«Вечера на хуторѣ» ввели Гоголя въ «Пушкинскій кружокъ». При содѣйствіи своихъ дру-

зей онъ получилъ мѣсто преподавателя исторіи въ патріотическомъ Институтѣ, а затѣмъ даже былъ назначенъ адъюнктомъ по кафедрѣ всеобщей исторіи въ С. Петербургскомъ университетѣ. Эта дѣятельность, какъ мы уже знаемъ, совершено не удалась Гоголю; за то, какъ и слѣдовало ожидать отъ поэтической натуры, плодомъ занятій Гоголя исторіей явилась знаменитая повѣсть «*Тарасъ Бульба*».

Эта повѣсть вмѣстѣ съ другими: «*Старосвѣтскіе помѣщики*», «*Вій* и «*повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ*» вошли въ составъ новаго сборника, изданнаго въ 1834 г. подъ названіемъ «Миргородъ».

«*Вій* по своему содержанію представляетъ прямое продолженіе» «*вечеровъ*», являясь поэтическимъ воспроизведеніемъ старинныхъ малороссійскихъ преданій.

«Вій есть колоссальное созданіе простона-«роднаго воображенія», замѣчаетъ Гоголь. «Та-«кимъ именемъ называется у Малороссіянъ на-«чальникъ гномовъ, у котораго вѣки идутъ до «самой земли. Вся эта повѣсть есть народное «преданіе. Я не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнить

«его и разсказываю въ такой же простотѣ, въ «какой слышалъ».

Но фантастическій элементъ весьма удачно смѣшанъ съ изображеніемъ дѣйствительной жизни. Особенно высокимъ комизмомъ отличается изображеніе бурсацкой жизни.

Предшественникомъ Гоголя въ этомъ отношеніи былъ малороссъ же В. Нарѣжный въ своей повѣсти «Бурсакъ».

Въ повѣстяхъ «*Старосвѣтскіе помѣщики*» и въ «*Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ*» фантастическаго уже ничего нѣтъ. Гоголь рисуетъ намъ обыденную, современную ему, жизнь малорусскихъ дворянъ средней руки, со всѣми ея мелочными проявленіями, низменными и пошлыми интересами, со всѣмъ неразуміемъ стремленій и убѣжденій.

На «*Повѣсти о Ив. Ив. и Иванѣ Ник.*» тоже обнаруживается вліяніе Нарѣжнаго, который въ повѣсти «*Два Ивана или страсть къ тяжбамъ*» разсказываетъ подобную же исторію.

Страсть къ тяжбамъ лежитъ съ самомъ характерѣ малоросса и отчасти объясняется историческими судьбами его. Выраженіе: «*Упрямъ какъ хохолъ*» сдѣлалось почти посло-

вицей. Отъ давней привычки быть на сторожѣ и отстаиваивать свое добро, «угнѣздилась въ Малороссіи страсть къ тяжбамъ», говоритъ Нарѣжный, «это истинное порожденіе ада, сама «породила тамъ чадъ и внучатъ и не выро-«дится до дня страшнаго суда.» Тяжба двухъ Ивановъ началась изъ-за полдюжины кроликовъ, застрѣленныхъ Харитономъ Занозой и нѣсколькихъ голубей, убитыхъ Иваномъ Зубаремъ и Иваномъ Хмарой. Половина повѣсти занята разсказомъ о непріятностяхъ, которыя сосѣди взаимно себѣ наносятъ: Харитонъ сжегъ у Ивановъ гумно, подкопалъ водяную мельницу, а Иваны сожгли у Харитона голубятню и подкопали двѣ вѣтряныя мельницы. Затѣмъ слѣдуетъ судъ на всѣхъ инстанціяхъ. Разсказъ ведется весело и возбуждаетъ комическій смѣхъ. Но тѣмъ не менѣе вліяніе Нарѣжнаго на Гоголя простирается только на сюжетъ: все остальное—обработка его, характеристики лицъ, развитіе дѣйствія совершенно самостоятельны и стоятъ несравненно выше своего образца. Вся повѣсть полна самого тонкаго комизма, смѣхъ автора не умолкаетъ до конца, изображая полуживотную жизнь, чуждую человѣческихъ интересовъ и волнующуюся только изъ-

за самыхъ эгоистичныхъ и въ то же время ничтожныхъ причинъ. Но это противорѣчіе изображаемой дѣйствительности съ тѣмъ идеаломъ человѣческой жизни, который носилъ въ себѣ авторъ, заставляетъ его, наконецъ, воскликнуть:.... «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» Скучно и грустно, конечно, оттого, что въ этомъ свѣтѣ приходится наталкиваться на подобныя Ивану Ив. и Ив. Никифоровичу, неразумныя и идіотски самодовольныя въ своей ограниченности, личности.

Еще болѣе грусти слышится въ тонѣ повѣсти «*Старосвѣтскіе помѣщики*».

Эта повѣсть представляетъ собою художественное изображеніе идиллической жизни мелкопомѣстныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ «прошедшаго вѣка» Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны.

Это были добрые, простосердечные, въ высшей степени гостепріимные и счастливые своей взаимной любовью, старики: «ни одно ихъ же-«ланіе не перелетало за частоколъ, окружаю-«щій небольшой домикъ, за плетень сада, на-«полненнаго яблонями и сливами, за деревен-

«скія избы, пошатнувшіяся на сторону, осѣ-«ненныя вербами, бузиной и грушами; стра-«сти, желанія и неспокойныя порожденія «злаго духа, возмущающія міръ для нихъ не «существовали».

Ничѣмъ не интересуясь, они были довольны своей жизнью, не сознавая ея крайней мелочности и пустоты. Жизнь Аѳанасія Ивановича проходила въ сидѣніи на высокомъ стулѣ въ добродушныхъ разсказахъ и въ постоянной ѣдѣ, а Пульхерія Ивановна заботилась только о томъ, чтобы былъ сытенъ и разнообразенъ столъ ея супруга. Довольные малымъ старички оставили всякое попеченіе о домашнемъ хозяйствѣ: двери въ ихъ комнатахъ скрипѣли и пѣли на разные голоса, прикащикъ и дворня немилосердно ихъ обкрадывали.

Мертвое однообразіе ихъ жизни нарушалось только изрѣдка пріѣздомъ гостей. Тогда «все, «что ни было у нихъ лучшаго, все это выно-«силось. Они наперерывъ старались угостить «васъ всѣмъ, что только производило ихъ хо-«зяйство». При подобномъ однообразіи *разсказывать* о нихъ нечего: ихъ надобно *описывать*.

И Гоголь дѣйствительно, въ *первой* части

повѣсти, поддаваясь самъ очарованію безмятежной жизни съ одушевленіемъ описываетъ жизнь старосвѣтскихъ помѣщиковъ, подробно останавливаясь на всѣхъ ея мелочахъ, такъ какъ этѣ мелочи и составляли *все* для этихъ людей. Авторъ съ полнымъ сочувствіемъ относится къ нравственнымъ сторонамъ характера стариковъ и сожалѣетъ, что болѣе не придется ему увидѣться съ ними, что одна только куча развалинъ, заглохшій садъ, да заросшій прудъ напомнятъ ему о низенькомъ ихъ домикѣ, тутъ когда то стоявшемъ

Добрые старички!....

«Но повѣствованіе мое приближается къ «весьма печальному событію, измѣнившему на «всегда жизнь этого мирнаго уголка. Событіе «это покажется тѣмъ болѣе разительнымъ, что «произошло отъ самаго маловажнаго случая. «Но, по странному устройству вещей, всегда «ничтожныя причины родили великія событія, «и, на оборотъ, великія предпріятія оканчи«вались ничтожными слѣдствіями. Какой ни«будь завоеватель собираетъ всѣ силы своего «государства, воюетъ нѣсколько лѣтъ, полко«водцы его прославляются, и наконецъ все «это оканчивается пріобрѣтеніемъ клочка зем-

«ли, на которомъ негдѣ посѣять кортофеля; а «иногда напротивъ, два какіе нибудь колбас«ника двухъ городовъ подерутся между собою «за вздоръ, и ссора объемлетъ наконецъ го«рода, потомъ села, деревни, а тамъ и цѣлое «государство».

Съ этого отступленія начинается вторая, собственно *повѣствовательная* часть повѣсти.

Дѣйствительно, невозмутимое счастіе и спокойствіе старичковъ разрушилось отъ самаго пустаго случая. Любимая кошка Пульхеріи Ивановны пропала, затѣмъ вернулась и снова пропала. Это сильно подѣйствовало на воображеніе Пульхеріи Ивановны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на весь ея духовный міръ. Задумалась старушка: «это смерть моя приходила за мной» сказала, она себѣ, «и ничто не могло ее разсѣять. Весь «день она была скучна. Напрасно Аѳанасій «Ивановичъ шутилъ и хотѣлъ узнать, отчего «она такъ загрустила, Пульхерія Ивановна «была безотвѣтна..... На другой день она за«мѣтно похудѣла». А вскорѣ и умерла, до послѣдней минуты заботясь объ остающемся на землѣ Аѳан. Ивановичѣ.

Не долго жилъ и Аѳанасій Иван., остав-

шись неутѣшнымъ вдовцомъ послѣ горькой потери.....

«Обстоятельства его кончины имѣли какое «то сходство съ кончиною Пульхеріи Ивановны. «Когда онъ шелъ по саду, вовсе не имѣя ни«какой мысли, онъ вдругъ услышалъ, что на «задѣ его произнесъ кто-то довольно внят«нымъ голосомъ: Аѳанасій Ивановичъ! Онъ «оборотился но никого совершенно не было, «посмотрѣлъ во всѣ стороны, заглянулъ въ ку«сты—нигдѣ никого! День былъ тихъ, солнце «сіяло. Онъ на минуту задумался, лице его «какъ-то оживилось, и онъ наконецъ про«изнесъ: «это Пульхерія Ивановна зоветъ «меня».

«Онъ весь покорился этому душевному «убѣжденію..... сохнулъ, кашлялъ, таялъ, какъ «свѣчка, и наконецъ угасъ такъ, какъ она, «когда уже ничего не осталось, чтобы могло «поддержать блѣдное ея пламя». Суевѣрное отношеніе Пульхеріи Ивановны къ жизни, говоритъ г. *Стоюнинъ* (о преподаваніи Р. Л. 131 стр.) придало простому случаю съ кошкою особое таинственное значеніе, а слѣдовательно въ немъ и заключается причина разрушенія счастливой жизни обоихъ супруговъ.

Отсюда и проясняется идея самаго произведенія.

Гоголь имѣлъ въ виду представить, какъ непрочно счастіе людей, слишкомъ мало развитыхъ умственно, хотя бы въ нравственномъ отношеніи они были и прекрасные люди: собственною своею рукою, безсознательно, они разрушаютъ свое счастіе и не рѣдко губятъ свою жизнь.«

Строго эпическою эту повѣсть назвать нельзя: авторъ вездѣ высказываетъ свое личное отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ и не рѣдко дѣлаетъ довольно длинныя отступленія. Имѣя самъ опредѣленный и высокій идеалъ о жизни и интересахъ развитаго человѣка, авторъ въ жизни Старосвѣтскихъ помѣщиковъ не находитъ почти ничего, что бы отвѣчало этому идеалу.

Несоотвѣтствіе того, что должно быть, съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ представляетъ дѣйствительность, или иначе, противорѣчіе между идеей и ея осуществленіемъ, обыкновенно возбуждаетъ въ наблюдателѣ *смѣхъ* или чувство комическаго. Но этотъ смѣхъ можетъ быть различенъ, смотря по свойству наблюдаемаго противорѣчія. Бываетъ «легкій смѣхъ,» который

весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, по опредѣленію самого Гоголя, смѣхъ надъ такимъ противорѣчіемъ, которое никому не вредитъ и поражаетъ только своею неожиданностью (старинный костюмъ, неожиданное паденіе, заставившее человѣка принять странную позу и т. е.) Подобный смѣхъ мы и слышимъ у Гоголя, когда онъ разсказываетъ въ своихъ *Вечерахъ* о кузнецѣ Вакулѣ, о приключеніяхъ дѣда, искавшаго клада и т. п.

Другаго рода бываетъ смѣхъ, когда противорѣчіе, возбуждающее его, вредно отзывается на человѣкѣ, внося какой нибудь разладъ въ его духовную жизнь или приводя въ разстройство его внѣшнее благосостояніе, и при томъ этотъ вредъ можетъ касаться или *только той личности,* которая оказывается въ какомъ нибудь противорѣчіи, или же можетъ распространяться и на окружающихъ эту личность другихъ людей. Въ первомъ случаѣ къ смѣху примѣшивается и нѣкоторая *грусть,* жалость по человѣчеству къ смѣшной личности; во второмъ случаѣ надъ сожалѣніемъ беретъ верхъ *негодованіе* и злоба во имя уничтоженнаго идеала и во имя страждущихъ невинно людей.

Поэтическія произведенія, проникнутыя злоб-

нымъ, негодующимъ смѣхомъ, должны быть отнесены къ *сатирическимъ*, а тѣ произведенія, въ которыхъ слышится «видимый смѣхъ и незримыя, невѣдомыя слезы, смѣхъ сквозь слезы, носятъ названіе *юмористическихъ* (Юморъ—humor, собственно значитъ влага. Это слово сначала употреблялось въ старинной физіологіи, которая различала въ человѣческомъ организмѣ четыре влаги и на преобладаніи той или другой основывала дѣленіе темпераментовъ. Болѣе тѣсный смыслъ слово юморъ получило у англичанъ, какъ выраженіе душевнаго настроенія, въ которомъ соединены и веселость и грусть). Къ подобнымъ юмористическимъ произведеніямъ и принадлежитъ повѣсть *Старосвѣтскіе помѣщики*. Грустная нота слышится изрѣдка и въ предъидущихъ повѣстяхъ, здѣсь она преобладаетъ. Авторъ сочувствуетъ нравственнымъ свойствамъ помѣщиковъ, смѣется надъ умственною ихъ неразвитостью и груститъ, когда ему приходится разсказывать, къ какимъ послѣдствіямъ привела ихъ эта неразвитость. Желая показать читателю, какъ при невниманіи къ потребностямъ человѣческаго духа можно съузить кругъ своей духовной дѣятельности, авторъ невольно высказываетъ свое осужденіе изобра-

жаемой жизни и тамъ, гдѣ изложеніе по виду кажется лишеннымъ всякой затаенной горечи. Таково описаніе хозяйства помѣщиковъ и выше приведенное отступленіе о нерѣдкомъ несоотвѣтствіи между причинами и слѣдствіями.

Автобіографическое значеніе для Гоголя имѣетъ слѣдующее мѣсто:

«Вамъ, безъ сомнѣнія, когда нибудь случа-«лось слышать голосъ, называющій васъ по «имени, который простолюдины объясняютъ «тѣмъ, что душа стосковалась о человѣкѣ и «призываетъ его, и послѣ котораго слѣдуетъ «неминуемо смерть. Признаюсь, мнѣ всегда «былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я «помню, что въ дѣтствѣ часто его слышалъ: «иногда вдругъ позади меня кто то явственно «произносилъ мое имя. День обыкновенно въ «это время самый ясный и солнечный; ни одинъ «листъ въ саду не шевелился; тишина была «мертвая, даже кузнечикъ въ это время пере-«ставалъ кричать; ни души въ саду.. Но, при-«знаюсь, если бы ночь самая бѣшеная и бур-«ная со всѣмъ адомъ стихій, настигла меня «одного среди непроходимаго лѣса, я бы не «такъ испугался ея, какъ этой ужасной тишины «среди безоблачнаго дня. Я обыкновенно тогда

«бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимав-
«шимся дыханіемъ изъ саду, и тогда только
«успокоивался, когда попадался мнѣ на встрѣчу
«какой нибудь человѣкъ, видъ котораго изго-
«нялъ эту страшную сердечную пустыню.»

Темы и вопросы для изученія.

Жизнь старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Какіе интересы привязывали ихъ къ жизни? Какіе интересы могутъ руководить человѣкомъ въ его дѣятельности? Чѣмъ объясняется лиризмъ разобранныхъ повѣстей? Что значитъ пословица: Всякъ своего счастья кузнецъ? Что обыкновенно бываетъ причиной несчастій? Различіе между сатирой и юморомъ. Что такое идиллія? Отношеніе поэта къ жизни и къ природѣ.

ТАРАСЪ БУЛЬБА.

Какъ геній Пушкина, руководимый исторіей, создалъ *Бориса Годунова* и *Капитанскую дочь*, такъ и у Гоголя, при изученіи исторіи, твор-

ческая сила проявилась въ созданіи повѣсти *Тарасъ Бульба.* Въ ней онъ въ художественныхъ образахъ воспроизвелъ славное историческое прошлое своей Украины, которая нѣсколько вѣковъ стояла на Югѣ Россіи, какъ оплотъ и защита ея цѣлости, вѣры и національности. Комическаго въ этой повѣсти, за исключеніемъ небольшихъ эпизодовъ, нѣтъ ничего; напротивъ она отличается своимъ трагическимъ содержаніемъ, сравнительно съ прочими повѣстями Гоголя.

Если понимать «трагическое» какъ столкновеніе и борьбу между двумя противоположными началами,—борьбу не примиримую, вслѣдствіе этой противоположности, повѣсть *Тарасъ Бульба* должна быть названа трагической. Эти противоположныя начала олицетворены въ ней въ образахъ съ одной стороны Тараса и всего казачества со всѣми его идеями, понятіями и враговъ казачества, какъ враговъ его самостоятельности, вѣры и національности—съ другой. «Тарасъ Бульба—лицо совершенно трагическое,» говоритъ Бѣлинскій.

«Вы смѣетесь, когда онъ дерется на кулачки съ роднымъ сыномъ..... но вы уже не улыбаетесь, когда онъ попалъ въ плѣнъ потянув-

«шись за грошовой люлькой; но вы содрогае-«тесь, еще только видя, какъ приближается «онъ, въ яростной битвѣ къ оторопѣвшему «сыну; но у васъ замираетъ духъ отъ ужаса, «когда въ вашемъ слухѣ раздается этотъ коми-«ческій вопросъ: «что, сынку?» .... А эта страш-«ная жажда мести противъ красавицы польки, «по мнѣнію его, чарами погубившей его сына, «и потомъ это море крови и пожаровъ, объ-«явшее враждебный край, и, среди его, грозная фигура стараго фанатика, совершившаго «страшную тризну въ память сына; наконецъ, «это омертвеніе могучей души, оглушенной.... «потерею обоихъ сыновей..... А это безконеч-«но-знаменательное: «слышу, сынку!» и эта «вторая страшная тризна за втораго сына, «кончившаяся смертью мстителя, и какою «смертью!» ....

Въ типическихъ образахъ этой повѣсти мы знакомимся со всѣмъ строемъ казацкой жизни, со всей его странной цивилизаціей, съ удалью «и разгуломъ казаковъ, съ ихъ безпечностью «и лѣнью, неутомимостью и дѣятельностью, «ихъ буйными оргіями и кровавыми набѣгами». Знакомимся также и съ великолѣпною природою Украины въ классическихъ ея описаніяхъ.

Имѣя все это въ виду, мы можемъ назвать повѣсть «*Тарасъ Бульба*» исторической поэмой или эпопеей въ самомъ строгомъ значеніи этого слова. Она воспроизводитъ намъ борьбу *всего* казачества съ его врагами, борьбу, имѣвшую громадное историческое значеніе для цѣлаго малорусскаго народа; въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ мы узнаемъ характеристику *всего* народа, типически въ нихъ выраженную; наконецъ, надо сказать, что и по своему изложенію *Тарасъ Бульба* во многомъ напоминаетъ Иліаду и Одиссею.

«Этотъ богатырь Бульба съ своими могучи-
«ми сыновьями, эта толпа запорожцевъ, друж-
«но отдирающая на площади трепака; этотъ
«казакъ, лежащій въ лужѣ, для показанія сво-
«его презрѣнія къ дорогому платью, которое
«на немъ надѣто, и какъ бы вызывающій на
«драку всякаго дерзкаго, кто бы осмѣлился
«дотронуться до него хоть пальцемъ; этотъ
«кошевой, по неволѣ говорящій краснорѣчивую
«витіеватую рѣчь о необходимости войны съ
«басурманами, потому что многіе запорожцы
«позадолжались въ шинки жидамъ и своимъ
«братьямъ столько, что ни одинъ чертъ те-
«перь и вѣры нейметъ; эта мать, которая яв-

«ляется какъ бы мимоходомъ, чтобы заживо «оплакать дѣтей своихъ, какъ всегда являлась «въ тотъ вѣкъ женщина и мать въ казацкой «жизни. А жиды, а ляхи, а любовь Андрія и «кровавая месть Бульбы, а казнь Остапа... «наконецъ, гибель стараго фанатика, который «не чувствовалъ ужасныхъ мукъ, потому что «чувствовалъ одну жажду мести къ вражебному «народу—развѣ это не эпопея?»... (Бѣлинскій I).

Планъ повѣсти очень удаченъ. Съ первыхъ же строкъ мы знакомимся съ главными дѣйствующими лицами и затѣмъ, не отрываясь, слѣдимъ за ихъ жизнію, то въ домашнемъ быту, то въ путешествіи и въ сѣчи, то на бранномъ полѣ. Съ первыхъ же строкъ мы видимъ разницу въ характерахъ Остапа и Андрія и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что эта разница составляетъ ихъ судьбу. И Тарасъ видитъ эту разницу, и его томитъ на счетъ Андрія какое то тревожное предчувствіе. Остапъ вполнѣ удовлетворяетъ его идеалу, какъ типъ безстрастнаго казака, полнаго той же ненависти къ врагамъ вѣры и русской земли, той же преданности товариществу и сѣчи и твердости духа, какого исполненъ и самъ грозный отецъ его, полковникъ Тарасъ.

Скоро предчувствіе Тараса оправдалось: Андрій, слѣдуя влеченію своего сердца, переходитъ къ полякамъ, измѣняя отчизнѣ, вѣрѣ и товариществу. Съ яростію и отчаяніемъ слышитъ объ этомъ Тарасъ, и противъ враговъ казачества онъ присоединяетъ къ общей казацкой ненависти и мести и свою личную.

Въ тѣсной связи съ разсказомъ о Тарасѣ и его сыновьяхъ идутъ характеристики Сѣчи, ея устройства и управленія, и роскошныя описанія Украинской природы. Съ 8-й главы интересъ повѣсти сосредоточивается преимущественно на Тарасѣ: онъ, благодаря обстоятельствамъ, выдвигается на первый планъ и руководитъ казаками. Къ прежнимъ двигателямъ героизма Тараса-мести за вѣру и свободу, за Андрія, присоединяется еще новый: месть за товарищей. Нѣтъ силы, которая противостала бы теперь Тарасу, оскорбленному во всемъ, что составляетъ символъ казака. Слѣдуютъ двѣ рѣчи Тараса, въ которыхъ онъ высказался весь, во всей трагичности своего положенія. Храбро бьются казаки, одушевленные Тарасомъ, Андрій падаетъ отъ руки отца, во имя идеи, заглушившаго въ себѣ чувства отца... Но поляки берутъ верхъ, слава и гордость Тараса,

его Остапъ, попадаетъ въ плѣнъ, самого Тараса привозятъ въ сѣчь полуживаго. Но пока онъ живъ, жива и его идея и скорбь объ Остапѣ. Связи Тараса съ сѣчью порваны: изъ тѣхъ, которые стояли за правое дѣло, за вѣру и братство, никого не осталось; походы для одной добычи его не занимали; онъ весь сосредоточился на одномъ.

«Неподвижно сидѣлъ онъ на берегу моря, «шевеля губами и произнося: Остапъ мой, Остапъ «мой!». Передъ нимъ сверкало и разстилалось «Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала «чайка; бѣлый усъ его серебрился, и слезы капали одна за другой». И вотъ, онъ ѣдетъ въ Варшаву, чтобы спасти сына. Но это не удается, и Тарасъ присутствуетъ при его казни, какъ бы желая провѣрить свои надежды и оцѣнить ту силу и мощь, которая такъ рано, хотя и славно, погибла. Въ роковомъ:

«Слышу!» отъ котораго вздрогнулъ весь милліонъ народа, стоявшаго на площади, выразилась цѣна Остапа, которую должна была уплатить Польша.

И эту цѣну она уплатила

У поэта нѣтъ красокъ изобразить всѣ ужасы мщенія Тараса Война могла кончиться для

него только въ двухъ случаяхъ: или вслѣдствіе уничтоженія казачества, или послѣ разрушенія Польши; такова сила руководившей имъ идеи. Онъ не принимаетъ ни какихъ мирныхъ условій и гибнетъ въ плѣну на кострѣ, посвящая и послѣднія минуты своей жизни службѣ товариществу и выражая твердую вѣру въ грядущее осуществленіе его идеи.

Въ своихъ отношеніяхъ къ сѣчи, къ товариществу къ сыновьямъ Тарасъ представляетъ намъ типъ идеальнаго казака; въ немъ мы видимъ осуществленіе всѣхъ наиболѣе свѣтлыхъ и чистыхъ идей казачества, окружающихъ такимъ поэтическимъ ореоломъ этихъ странныхъ «лыцарей», какъ бы созданныхъ для бранной тревоги.

Темы и вопросы для изученія.

(Характеристика Тараса, какъ казака, какъ отца и какъ мужа. Положеніе женщины среди казаковъ. Запорожскіе типы. Запорожская Сѣчь и ея нравы. Военное искусство запорожцевъ. Природа и населеніе Украины въ XVI

в., (*) Что такое трагическое? Что такое состраданіе?)

Изложеніе повѣсти *Тарасъ Бульба* замѣчательно не менѣе содержанія ея. На немъ отразилось изученіе Гоголемъ народныхъ пѣсенъ, малороссійскихъ думъ и гомеровскаго эпоса.

Многіе эпическіе пріемы народной словесности прекрасно усвоены Гоголемъ и придаютъ особенную оригинальность и красоту изложенію повѣсти.

Такъ, мы встрѣчаемъ у него, какъ и въ эпическихъ народныхъ произведеніяхъ, *повтореніе* однѣхъ и тѣхъ картинъ въ одной и той же формѣ изложенія:

«А что паны? сказалъ Тарасъ, перекликнув-
«шись съ куренными, есть ли еще порохъ въ
«пороховницахъ? не ослабѣла ли казацкая си-
«ла? не гнутся ли казаки?»

— «Есть еще, батька, порохъ въ пороховницахъ: не ослабѣла еще казацкая сила, еще «не гнутся казаки!»

И такъ до трехъ разъ.

— «А берите всѣ,» говоритъ Тарасъ въ «другомъ мѣстѣ, «всѣ, сколько ни есть, бери-

(*) См. кн. г. Гаврилова: «Письменныя упражненія».

«те, что́ у кого есть—ковшъ или черпакъ, ко-«торымъ поишь коня, рукавицу или шапку, а «коли что, то и просто подставляй обѣ горсти».

«И казаки всѣ, сколько ни было, брали у «кого былъ ковшъ, у кого черпакъ, которымъ «поилъ коня, у кого рукавица, у кого шапка, «а кто подставлялъ и такъ обѣ горсти.»

Въ синтаксисѣ былинъ и друг. народныхъ пѣсенъ преобладаетъ *сочиненіе* предложеній надъ *подчиненіемъ,* что, конечно, съ одной стороны свидѣтельствуетъ еще о неполномъ развитіи языка. Сознательное употребленіе писателемъ подобнаго строя рѣчи, если оно умѣстно, придавая особенный колоритъ изложенію, придаетъ его и содержанію произведенія, настраивая читателя на былинный тонъ, приравнивая излагаемое событіе героическимъ событіямъ былинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сжатость и отрывочность рѣчи доставляетъ ей живость и быстроту.

Примѣровъ этого у Гоголя много; отрывистою рѣчью онъ пользуется при описаніи битвъ и быстраго хода дѣйствія: «Какъ же вскинулись казаки! «какъ схватились всѣ! какъ закипѣлъ куренной «атаманъ Кукубенко, увидѣвши, что лучшей поло-«вины куреня его нѣтъ! Вбился онъ съ остальными

«незамайковцами въ самую середину. Въ гнѣвѣ «изсѣкъ, какъ капусту, перваго попавшагося, «многихъ конниковъ сбилъ съ коня, пробрался «къ пушкарямъ и уже отбилъ одну пушку, а ужъ «тамъ, видитъ, хлопочетъ уманской куренной «атаманъ, и Степанъ Гуска уже отбилъ глав«ную пушку. Оставилъ онъ тѣхъ казаковъ и «поворотилъ со своими въ другую непріятель«скую гущу: такъ, гдѣ прошли незамайковцы— «такъ тамъ и улица, гдѣ поворотили, такъ «тамъ и переулокъ!.... А у самыхъ возовъ Вов«тузенко, а спереди Черевиченко, а у даль«нихъ возовъ Дехтяренко, а за ними куренной «атаманъ Вертихвистъ.»

Или:

— «Добре, сынку! добре, Остапъ! кричалъ «Тарасъ Вотъ я слѣдомъ за тобою. А самъ «все отбивался отъ наступавшихъ. Рубится и «бьется Тарасъ, сыплетъ гостинцы тому и дру«гому въ голову, а самъ глядитъ все впередъ «на Остапа, и видитъ, что ужъ вновь схвати«лось съ Остапомъ не мало восьмеро разомъ. «Остапъ, Остапъ! не поддавайся! Но уже одо«лѣваютъ Остапа, уже одинъ накинулъ ему на «шею арканъ, уже берутъ, уже вяжутъ Остапа.....»

«Эхъ, Остапъ, Остапъ! кричалъ Тарасъ.....»

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гоголь прямо заимствовалъ цѣлые образы и картины изъ южно русской народной и книжной поэзіи,—художественно обработывая ихъ.

Вотъ для сличенія два мѣста:

1. «Будетъ, будетъ,» говоритъ Гоголь, «все «поле съ облогами и дорогами покрыто ихъ бѣлы«ми торчащими костями, щедро обмывшись ка«зацкою ихъ кровью и покрывшись разбиты«ми возами и расколотыми саблями и копьями «далече раскинутся чубатыя головы съ пере«крученными къ низу усами; будутъ орлы, на«летѣвъ, выдирать и выдергивать изъ нихъ «казацкія очи. Но добро великое въ такомъ «широко и вольно разметавшемся смертномъ «ночлегѣ! не погибнетъ ни одно великодушное «дѣло, и не пропадетъ, какъ малая порошинка «съ ружейнаго дула, казацкая слава... И пой«детъ дыбомъ по всему свѣту о нихъ слава!..»

«А що, якъ наши головы казацьки по степуполю поляжуть,» поетъ малорусская дума:

«Да ще й родною кровью вмыються
«Попереросколотыми шаблями покрыються!
«Пропаде, мовъ (будто) порошина съ дула
«Тая казацькая слава,
«Що по всему свѣту дыбомъ стала,

«Що по всему свѣту... луговымъ гомономъ раздалась»... (Украинскія народныя пѣсни, изд. Максимовичемъ).

2. «Тамъ (на р. Каялѣ) кроваваго вина не «не достало; тамъ пиръ кончили храбрые рус«скіе: сватовъ напоили, а сами полегли за зем«лю русскую», говоритъ *слово о полку Игоревѣ*.

У Гоголя: «Слышалъ онъ (Тарасъ) только, «что былъ пиръ сильный, шумный пиръ: вся «перебита въ дребезги посуда; нигдѣ не оста«лось вина ни капли, расхитили гости и слуги «всѣ дорогіе кубки и сосуды и смутный сто«итъ хозяинъ дома, думая, что лучше бы и не «было того пира».

Къ особенностямъ, сближающимъ изложеніе повѣсти съ изложеніемъ *гомеровскаго* эпоса, слѣдуетъ отнести, во первыхъ, *подробныя* характеристики казаковъ, которыя у Гоголя являются, какъ похоронныя рѣчи, сопровождая героическую смерть то того, то другаго изъ казаковъ. Такова характеристика Мосія Шило, характеристика Балабана и друг. Этѣ характеристики, являясь отступленіями, и замедляя ходъ разсказа, тѣмъ самымъ сообщаютъ ему спокойствіе и чисто гомеровскую важность и величавость.

Гомеровскими слѣдуетъ также назвать многочисленныя *сравненія* Гоголя за ихъ опредѣленность и законченность. Каждое изъ нихъ даетъ намъ вполнѣ ясный и живой образъ, къ которому не остается ничего прибавлять. Вотъ примѣры подобныхъ *сравненій*: «.....задумались «они (казаки), какъ орлы, сѣвшіе на верши«нахъ каменистыхъ горъ, обрывистыхъ, вы«сокихъ горъ, съ которыхъ далеко видно раз«стилающееся безпредѣльное море, усыпанное, «какъ мелкими птицами, галерами, кораблями «и всякими судами, огражденное по сторонамъ «чуть видными тонкими поморьями, съ приб«режными, какъ мошки, городами и склонивши«мися, какъ мелкая травка, лѣсами. Какъ ор«лы, озирали они вокругъ себя очами все по«ле и чернѣющую вдали судьбу свою».

Или... «неизвѣстно будущее и стоитъ оно «предъ человѣкомъ подобно осеннему туману, «поднявшемуся изъ болотъ: безумно летаютъ «въ немъ вверхъ и внизъ, черкая крыльями, «птицы, не распознавая въ очи другъ друга,— «голубка—не видя ястреба, ястребъ—не видя «голубки, и никто не знаетъ, какъ далеко ле«таетъ отъ своей гибели».

Или: «бросила она (полька) прочь отъ себя

«платокъ... И вся разлилась въ жалостныхъ «рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ голосомъ, «подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись въ «прекрасный вечеръ, пробѣжитъ вдругъ по «густой чащѣ приводнаго тростника,—зашеле«стятъ, зазвучатъ и понесутся вдругъ унывно «тонкіе звуки, и ловитъ ихъ съ непонятною «грустью остановившійся путникъ, не чуя по«гасающаго вечера, ни несущихся веселыхъ «пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ ра«ботъ и ни отдаленнаго стука гдѣ-то проѣз«жающей телеги».

.....«Далеко разносится могучее слово, бу«дучи подобно гудящей колокольной мѣди, въ «которую мастеръ много повергнулъ дорогаго «чистаго серебра, чтобы далече по городамъ «и селамъ, палатамъ и лачугамъ разносился «красный звонъ, сзывая равно всѣхъ на свя«тую молитву».

«Тихо склонился онъ (Кукубенко) на руки «подхватившихъ его казаковъ, и хлынула ручь«емъ молодая кровь, подобно дорогому вину, «которое несли въ стеклянномъ сосудѣ изъ пог«реба неосторожные слуги, и, поскользнувшись «тутъ же у входа, разбили дорогую сулею; раз«лилось на землю вино, и схватилъ себя за

«голову прибѣжавшій хозяинъ, сберегавшій его «про лучшій случай жизни, чтобы, если при«ведетъ Богъ, на старости лѣтъ встрѣтиться «съ товарищемъ юности, то чтобы помянуть «вмѣстѣ съ нимъ прежнее иное время, когда «иначе и лучше веселился человѣкъ».

Замѣчательны также уподобленія дѣйствій Остапа, дѣйствіямъ ястреба, смерти Андрія смерти заколотаго барашка; вѣра русская сравнивается съ нерукотворной скалой среди бурнаго моря и пр. и пр.

Гомера, наконецъ, напоминаютъ нерѣдкіе въ изложеніи повѣсти простые и сложные *эпитеты: бѣлоголовый* старецъ, *густое, могучее* слово, *красный* звонъ, *глухоотвѣтная* земля, *горячая* пуля, *алая* кровь и пр. См. также описаніе Степей.

Темы и вопросы для изученія.

Указать всѣ сравненія, эпитеты и т. п., и сопоставить ихъ съ соотвѣтствующими мѣстами изъ Иліады. Въ чемъ состоитъ лиризмъ этой повѣсти? Указать описательную часть повѣсти.

Послѣ *малороссійскихъ* повѣстей Гоголь обратился къ изображенію столичной жизни, которая для него самого была очень тяжела. Юморъ Гоголя въ *Петербургскихъ* повѣстяхъ достигаетъ еще большой глубины, еще болѣе слезъ слышится сквозь наружный смѣхъ писателя. Въ нихъ отразились грустныя думы поэта о судьбѣ художника въ русскомъ обществѣ, его тяжелая борьба съ бѣдностью и пустотою окружающей его среды, забавныя и грустныя стороны мелкаго Петербургскаго чиновничества.

Всѣ эти повѣсти навѣяны непосредственно жизнію и дышатъ чувствомъ и правдой. Въ письмахъ къ матери 1829—33 гг. Гоголь такъ отзывается о петербургской жизни: «на Петербургѣ нѣтъ никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и «вовсе непохожи на иностранцевъ, а русскіе «въ свою очередь объиностранились и сдѣлались ни тѣмъ ни другимъ. Всѣ—служащіе или «должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ и коллегіяхъ... Забавна встрѣча «съ ними на проспектахъ, тротаурахъ: они до «того бываютъ заняты мыслями, что, поровнявшись съ кѣмъ либо изъ нихъ, слышишь,

«какъ онъ бранится и разговариваетъ самъ «съ собою»... «Умъ въ страшномъ бездѣйствіи, «мысли растеряны... и не я одинъ—все, ка«жется, дремлетъ... Пушкина нигдѣ не встрѣ«тить, какъ на балахъ... Бѣдный Гнѣдичъ умеръ. «Какъ мухи, мрутъ люди и поэты».

Къ *петербургскимъ* повѣстямъ относятся: *Невскій проспектъ, Носъ, Портретъ, Шинель* и *Записки Сумасшедшаго.*

Болѣе замѣчательны изъ нихъ три послѣднія.

ПОРТРЕТЪ

Какъ уже мы говорили, на Гоголя довольно долго и самымъ благодѣтельнымъ образомъ вліялъ Пушкинъ. Это вліяніе сказалось какъ на многихъ частностяхъ дѣятельности Гоголя, такъ и на общемъ его міросозерцаніи. Гоголя многіе противополагаютъ Пушкину относительно ихъ воззрѣній на искусство и на положеніе писателя среди общества; но вполнѣ согласиться съ этимъ нельзя. Подъ вліяніемъ воззрѣній Пушкина Гоголь самъ усвоилъ себѣ самыя идеальныя воззрѣнія на искусство и художника, весьма сходныя съ взглядами Пушкина.

Эти воззрѣнія и развиты въ повѣсти *Портретъ*, которая является какъ бы поэтической страницей изъ жизни самого Гоголя.

Главная основная идея *Портрета*—паденіе художника, его измѣна художественному идеализму и впаденіе въ реализмъ въ смыслѣ ремесленности. Фантастическій элементъ, къ которому Гоголь всегда былъ склоненъ, является здѣсь, какъ символическая оболочка совершенно естественнаго содержанія.

Въ *Портретѣ* мы находимъ художническое исповѣданіе вѣры Гоголя, теорію искусства, развитую въ поэтическихъ образахъ. Эти страшные живые глаза, которые такъ и глядятъ на зрителя, являются символическимъ выраженіемъ того, что *искусство, становясь черезъ-чуръ натуральнымъ, измѣняетъ себѣ, своей задачѣ:* «Здѣсь уже не было того высокаго наслажде-«нія, которое объемлетъ душу при взглядѣ на «произведеніе художника, какъ ни ужасенъ «взятый имъ предметъ: здѣсь было какое то «болѣзненное, томительное чувство. Что это? «невольно вопрошалъ себя художникъ: вѣдь «это однако же натура; это живая—натура; от-«чего же это странное, непріятное чувство? «Или рабское, буквальное подражаніе натурѣ

«есть уже проступокъ и кажется яркимъ, не-
«стройнымъ крикомъ? Или, если возмешь пред-
«метъ безучастно, безчувственно, онъ непре-
«мѣнно предстанетъ въ одной ужасной своей
«дѣйствительности, неозаренной свѣтомъ какой
«то непостижимой, скрытой во всемъ мысли,
«предстанетъ въ той дѣйствительности, которая
«открывается тогда, когда, желая постигнуть
«прекраснаго человѣка, вооружаешься анатоми-
«ческимъ ножемъ, разсѣкаешь его внутренность
«и видишь отвратительнаго человѣка? Почему же
«простая низкая природа является у одного
«художника въ какомъ то свѣтѣ, и не чувству-
«ешь никакого низкаго впечатлѣнія; напро-
«тивъ, кажется, какъ будто насладился и послѣ
«того спокойнѣе и ровнѣе все течетъ и дви-
«жется кругомъ тебя? И почему же та же са-
«мая природа у другаго художника кажется
«низкою, грязною, а между прочимъ онъ также
«вѣренъ природѣ? Но нѣтъ, нѣтъ въ ней чего
«то озаряющаго. Все равно, какъ видъ въ при-
«родѣ: какъ онъ ни великолѣпенъ, а все
«недостаетъ чего то, если нѣтъ на небѣ
«солнца».

Вотъ чисто идеалистическая теорія!...

Портретъ своими живыми глазами дѣйству-

етъ развращающимъ образомъ на молодаго художника, и тутъ фантастическій элементъ доведенъ уже до вещественныхъ проявленій: соблазнительное дѣйствіе адскихъ глазъ соединяется съ соблазнительнымъ вліяніемъ золота, которое доставляетъ художнику чудесный портретъ.

Поддавшись этому вліянію и все болѣе и болѣе проникаясь однимъ желаніемъ накопить побольше денегъ, художникъ оставляетъ настоящее искусство и начинаетъ рисовать портреты, прибѣгая къ *фальшивой идеализаціи*, рисуя по извѣстнымъ шаблоннымъ пріемамъ: «кто хотѣлъ Марса, онъ въ лице совалъ Марса, кто мѣтилъ въ Байрона, онъ давалъ ему байроническое положеніе и поворотъ... и «прибавлялъ уже отъ себя всякому вдоволь бла«гообразія, которое, какъ извѣстно, нигдѣ не «подгадитъ и за что простятъ иногда худож«нику и самое несходство».

Этимъ онъ дѣйствительно наживается, но теряетъ безвозвратно и свой талантъ, и все отзывчивое и живое въ себѣ. Тогда приходится ему быть очевидцемъ истиннаго искусства; но оно уже не возбуждаетъ въ немъ жажды учиться и достигать идеала; оно вызываетъ въ немъ

одну только зависть, чувство вполнѣ естественное въ томъ, кто стремится только къ корыстнымъ цѣлямъ. На свое несмѣтное золото онъ скупаетъ все лучшее, выдающееся въ искусствѣ, и съ какимъ то адскимъ ожесточеніемъ уничтожаетъ все это, чтобы никому не доставались произведенія истиннаго таланта.

Такъ оканчивается первая часть *Портрета*.

Вторая часть повѣсти возвращаетъ насъ назадъ: здѣсь мы узнаемъ, какъ портретъ былъ нарисованъ художникомъ стараго времени, художникомъ вполнѣ идеальнымъ. Но и на него дѣйствіе этого портрета было самое тлетворное и развращающее. Но старый художникъ, почувствовавъ свое нравственное паденіе, ищетъ спасенія въ аскетическихъ подвигахъ и, удалившись отъ свѣта, предается внутреннему усовершенствованію и достигаетъ прежней душевной чистоты. Въ это время посѣщаетъ его сынъ и изъ устъ отца слышитъ то, что является окончательной формулой художническаго исповѣданія вѣры Гоголя: «Изслѣдуй, изучай *все*, «*что ни видишь* покори все кисти, но во *всемъ* «*умѣй находить внутреннюю мысль* и пуще «всего старайся постигнуть высокую тайну со«зданія. Блаженъ избранникъ владѣющій ею!

«*Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ!* Въ «ничтожномъ художникъ—создатель также ве-«ликъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ «у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ «сквозь него прекрасная душа создавшаго, и «презрѣнное уже получило высокое выраже-«ніе, ибо протекло сквозь чистилище его души». Такимъ образомъ все достойно вниманія художника, все проходитъ чрезъ его поэтическую душу и въ ней очищается. Отсюда дѣлается еще шагъ далѣе: для того, чтобы порой жалкая дѣйствительность въ художественномъ воспроизведеніи открыла ту идеальную красоту, которая можетъ и въ ней таиться, необходимо, чтобы душа самого художника была *чиста*; проходя только черезъ *чистое* горнило, его произведенія могутъ быть *чистыми*.

И вотъ отецъ говоритъ сыну: «Спасай чистоту души своей. Кто заключилъ въ себѣ талантъ, тотъ чище всѣхъ долженъ быть душой. Другому простится многое, но ему не простится. Человѣку, который вышелъ изъ дому въ свѣтлой праздничной одѣждѣ, стоитъ только быть обрызгану одной каплей грязи изъ подъ колеса, и ужъ весь народъ обступилъ его, указываетъ на него пальцемъ, тогда какъ

тотъ же народъ не замѣчаетъ множества пятенъ на другихъ проходящихъ, одѣтыхъ въ будничныя одежды, ибо въ будничныхъ одеждахъ не замѣтны пятна».

Даже и одна незначительная капля грязи пятнаетъ душу художника такъ, что это осязательнымъ дѣлается для всѣхъ. Чтобы, слѣдовательно, произведенія художника соотвѣтствовали своему назначенію и носили на себѣ отпечатокъ красоты и правды, онъ долженъ самъ носить въ себѣ эту красоту, *долженъ обладать полною нравственною чистотою,* долженъ долго работать надъ самимъ собою, себя самого возвести въ перлъ созданія, и тогда только его творчество достигнетъ своего совершенства. Жизнь писателя, по мнѣнію Гоголя, должна вполнѣ соотвѣтствовать высотѣ его произведеній.

Представитель *натуральнаго* направленія, такимъ образомъ, возстаетъ противъ буквальной близости къ природѣ, до чего дошли нѣкоторые его послѣдователи и предъявляетъ художнику самыя идеальныя требованія.

Сходство ихъ съ воззрѣніями Пушкина довольно очевидно. Пушкинъ особенно напираетъ на ту сторону, которая развивается въ

первой части *Портрета*, на сторону независимости искусства; налегаетъ на то, что искусство не должно стремиться къ матеріальной практической пользѣ, не должно поддѣлываться подъ вкусы и требованія *Черни*; искусство свободно и независимо; художникъ, рабствующій передъ толпой, перестаетъ быть художникомъ и становится ремесленникомъ.

Въ своемъ увлеченіи независимостію искусства Пушкинъ доходитъ до того, что отказывается *выметать соръ* т. е. исправлять нравы, отказывается отъ общественнаго служенія, и въ этомъ расходится съ Гоголемъ, но не всегда: нужно обратить вниманіе на другія піесы Пушкина, и тогда совпаденіе взглядовъ обоихъ писателей будетъ ясно. Изъ такихъ піесъ укажемъ, во первыхъ, «*Поэта*»:

«Пока не требуетъ поэта»...

Пушкинъ указываетъ здѣсь на то нравственное перерожденіе, которое, хотя бы на время, требуется отъ художника; не даромъ самъ Гоголь сказалъ про Пушкина: «Даже и въ тѣ «поры, когда метался онъ въ чаду страстей, «поэзія была для него святыней, точно какой «то храмъ. Не входилъ онъ туда неопрятный;

«ничего не вносилъ онъ туда необдуманнаго, «опрометчиваго изъ собственной жизни».

Въ другомъ стихотвор. *Пророкъ*, Пушкинъ также, какъ и Гоголь требуетъ, чтобы разъ на всегда совершился процессъ перерожденія, и только тогда, стряхнувъ съ себя все дурное и порочное, обновившись обратясь въ *пророка*, художникъ можетъ достичь своего настоящаго значенія и исполнить повелѣніе Божіе; «Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли

«Исполнись волею моей
«И, обходя моря и земли,
«*Глаголомъ жги сердца людей*».

Всякій художникъ, желающій принести истинную пользу людямъ, прежде чѣмъ выступить на общественное служеніе, долженъ внутренно поработать надъ самимъ собою и такимъ образомъ приготовить себя къ этому великому дѣлу.

Тоже, какъ мы видѣли, говоритъ и Гоголь.

ШИНЕЛЬ.

Повѣсть *Шинель* переноситъ насъ въ среду *униженныхъ* и *оскорбленныхъ* людей.

Съ высокимъ юморомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ грозной сатирой выступаетъ въ ней Гоголь на защиту человѣческаго достоинства, оскорбляемаго въ лицѣ бѣднаго чиновника, Акакія Акакіевича.

Письмо и буквы—вотъ единственной интересъ этого человѣка, въ переписываніи заключаются всѣ его радости и утѣхи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличается необыкновенною робостью, запуганностью и разсѣянностью, весьма естественными при крайней ограниченности интересовъ этого человѣка. Но изъ разсказа Гоголя мы понимаемъ, что этотъ же человѣкъ при другой обстановкѣ явился бы болѣе полезнымъ, хотя бы и скромнымъ дѣятелемъ. Гоголь указываетъ намъ на его природную мягкость и добродушіе, совѣстливость и трудолюбіе. Крайняя бѣдность и жалкое общественное положеніе забили его и сдѣлали предметомъ насмѣшекъ всѣхъ его сослуживцевъ.

Весело смѣется Гоголь надъ нѣкоторыми

забавными положеніями Акакія Акакіевича, грустью отзывается его смѣхъ при описаніи жалкой его жизни, при мысли о томъ ужасномъ ничтожествѣ, до котораго можетъ быть доведенъ человѣкъ эгоистической обстановкой, и съ негодованіемъ и злобой относится Гоголь къ обществу, которое не только позволяетъ, чтобы одинъ изъ его членовъ доходилъ до подобнаго состоянія, но позволяетъ себѣ и издѣваться надъ человѣкомъ, если онъ не можетъ дать ему отпора, если онъ не знатенъ, не богатъ..... «Оставьте меня, зачѣмъ вы меня обижаете!» молился несчастный Акакій Акакіевичъ грубымъ чиновникамъ, но развѣ они могли понять эти слова, если слово *человѣкъ* безъ прибавочныхъ—видный чиновникъ, богатый баринъ и т. п. для нихъ пустой наборъ звуковъ или означаетъ слугу.

Эта повѣсть Гоголя имѣетъ общечеловѣческое значеніе и должна занять высокое мѣсто въ исторіи нашего общественнаго быта, въ исторіи энергическихъ вызововъ къ тѣмъ улучшеніямъ, которыя предпринимаются теперь для мелкаго, забитаго и угнетеннаго люду.

Тотъ же протестъ противъ мертвыхъ формъ жизни, принижающихъ человѣка и сковываю-

щихъ его, слышится и въ *Запискахъ Сумасшедшаго*.

Чиновникъ Поприщинъ во многомъ сходенъ съ Акакіемъ Акакіевичемъ: то-же скромное занятіе, тотъ же страхъ предъ генераломъ, та же природная мягкость. Но въ немъ вдругъ при нѣсколько измѣнившейся обстановкѣ, пробуждается сознаніе своего человѣческаго достоинства, здравыя сужденія о людяхъ. Онъ уже не можетъ примириться съ своимъ ничтожнымъ положеніемъ, рядъ мыслей и плановъ, одинъ другаго заманчивѣе, смущаютъ его голову,—и онъ сходитъ съ ума, не видя въ дѣйствительности ничего соотвѣтствующаго его фантастичнымъ планамъ и мечтамъ.

Темы и вопросы для изученія.

Есть ли поэзіи дѣло до чиновниковъ? Что смѣшитъ Гоголя въ Акакіѣ Ак. и чѣмъ его смѣхъ не похожъ на смѣхъ сослуживцевъ чиновника? Какое значеніе для Акакія Ак. имѣла шинель? Какъ нужно смотрѣть на фантастичное окончаніе повѣсти? (См. Стоюнина: о преп. Р. Л.) *Что такое искусство? Петербургскіе типы по повѣстямъ Гоголя.*

РЕВИЗОРЪ.

Мы оставляемъ безъ разбора мелкія драматическія піесы Гоголя: *Женидьбу*, совершенно невѣроятное событіе, по словамъ самого автора, *Игроковъ*, *Тяжбу*, и друг. такъ какъ эти піесы, обладая и драматическимъ интересомъ и самыми комическими сценами и положеніями, не могутъ дать почти ничего такого, что бы выставило талантъ Гоголя въ новомъ свѣтѣ и послужило бы дополненіемъ къ его характеристикѣ, какъ великаго писателя. Поэтому мы прямо переходимъ къ одному изъ самыхъ важныхъ произведеній Гоголя, къ его знаменитой комедіи *Ревизоръ*.—Сюжетъ этой комедіи данъ Гоголю Пушкинымъ, который въ одномъ уѣздномъ городѣ имѣлъ случай наблюдать подобный же пріемъ мелкаго чиновника за ревизора.

Основная идея *Ревизора* состоитъ въ представленіи и осмѣяніи самаго низкаго эгоизма и своекорыстія, такъ часто скрывающихся подъ личиной усердія и стремленія къ общей пользѣ.

Въ этой комедіи Гоголь рѣшился собрать

въ кучу все дурное въ Россіи, какое онъ только зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣмъ *(Авторская исповѣдь)*. И дѣйствительно, въ своей комедіи Гоголь затронулъ весьма важный общественный вопросъ, вопросъ объ отношеніяхъ тогдашняго чиновничества къ закону и къ своимъ обязанностямъ. Мастерскою кистью нарисовалъ онъ картину нравовъ современнаго ему уѣзднаго города, представивъ въ живыхъ и наглядныхъ типахъ всю мерзость и низость, царящія въ немъ, предавъ осмѣянію безнравственное отношеніе къ общественному дѣлу, взяточничество и произволъ, ставшіе второю природой городскихъ управителей. И вотъ это-то стоячее болото, полное гадовъ и нечистотъ, вдругъ начинаетъ волноваться. «Страхъ идущаго впереди закона» заставляетъ взяточниковъ и самоуправцевъ осмотрѣться; но не раскаяніе, не стыдъ они чувствуютъ, нѣтъ, они желаютъ только такъ или иначе обойти эту грозную силу, заставить ее признать ихъ честными и безкорыстными общественными дѣятелями. Благодаря двумъ сплетникамъ и бол-

тунамъ имъ кажется, что они открыли эту силу, которая хотѣла остаться «инкогнито». И вотъ слѣдуетъ рядъ въ высшей степени комическихъ сценъ, основанныхъ на взаимномъ недоразумѣніи. Будучи настроены самымъ тревожнымъ образомъ, чиновники принимаютъ за ревизора самаго пустѣйшаго человѣка, Хлестакова который остановился въ городѣ потому, что не имѣлъ средствъ ѣхать далѣе. Они расточаютъ ему всѣвозможные знаки уваженія и преданности, даютъ ему взятки, угощаютъ..... Хлестаковъ все это принимаетъ какъ должное, не будучи способенъ остановиться на причинахъ и поразмыслить о послѣдствіяхъ. Онъ пользуется своимъ положеніемъ и доводитъ дѣло до того, что сватается къ дочери городничаго. Тотъ, разумѣется, въ крайнемъ восторгѣ и восхищеніи. Грозная сила вполнѣ на его сторонѣ, и въ будущемъ ему рисуются самыя привлекательныя и заманчивыя картины, какъ слѣдствіе этого неожиданнаго родства. Но вдругъ въ то самое время, когда онъ былъ на верху сознанія своей силы и значенія, когда его окружали съ поздравленіями раболѣпные и завидующіе сослуживцы, оказывается, что ревизоръ былъ вовсе не ревизоръ, а «чортъ

знаетъ, что такое!» Разомъ разлетѣлись прахомъ всѣ честолюбивыя мечты городничаго; онъ увидѣлъ себя опозореннымъ предъ всѣмъ городомъ; мало того: онъ страшится, что и за городъ проникнетъ вся эта исторія; страхъ гласности и общественнаго суда окончательно уничтожаетъ его; не лучше городничаго чувствуютъ себя и всѣ остальные чиновники, видя себя одураченными и обманутыми, благодаря своему собственному неразумію и сознавая, что «законъ» еще явится, чтобы судить ихъ, что они не избавились отъ страха его..... Съ ожесточеніемъ набрасываются они на виновниковъ слуха о Хлестаковѣ, какъ о ревизорѣ, сыплются всевозможныя ругательства. И въ эту минуту превращаетъ всѣхъ въ камни форменное донесеніе жандарма: «пріѣхавшій по «именному повелѣнію изъ Петербурга чинов«никъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ «остановился въ гостинницѣ.» Что было потомъ: удалось ли чиновникамъ провести и дѣйствительную силу, какъ провели они мнимую, или нѣтъ, взялъ ли верхъ карающій законъ, или темныя козни преступниковъ, этого авторъ намъ не показалъ, но и постигшее ихъ наказаніе достаточно примиряетъ зрителя съ дѣй-

ствительностью, давая понять, что рано или поздно, подлость и низость найдутъ себѣ наказаніе въ самихъ себѣ.

Комедія *Ревизоръ* силою своего смѣха поразила общество въ самыя больныя его мѣста, затронула множество личностей похожихъ на городничаго и проч. и поэтому неудивительно, что она возбудила въ этомъ обществѣ множество самыхъ разнообразныхъ и озлобленныхъ толковъ. «Всѣ противъ меня,» пишетъ Гоголь въ Апр. 1836 г. артисту Щепкину, «чиновни-«ки, пожилые и почтенные кричатъ, что у ме-«ня нѣтъ ничего святаго, когда я дерзнулъ «такъ говорить о служащихъ людяхъ; поли-«цейскіе противъ меня; купцы противъ меня; «литераторы противъ меня. Бранятъ, а ходятъ «на піесу... Если бы не высокое заступниче-«чество Государя, піеса моя ни за что не бы-«ла бы на сценѣ..... Теперь я вижу, что зна-«читъ быть комическимъ писателемъ. Малѣй-«шій признакъ истины, и противъ тебя воз-«станетъ—и не одинъ, а цѣлыя сословія.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь понимаетъ, что въ пріемѣ *Ревизора* выражается характеръ массы общества, степень ея развитія, степень очень низменная и жалкая.

«Грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, «движущее столицу, пишетъ онъ въ другомъ «письмѣ..... «Грустно, когда видишь, въ какомъ жалкомъ состояніи находится у насъ писатель... Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи..... Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы».

(Надо замѣтить, что всѣ эти враждебные толки и сужденія въ концѣ концовъ повліяли на Гоголя самымъ вреднымъ образомъ: въ концѣ своей поэтической дѣятельности Гоголь отказался отъ прямаго и истиннаго смысла своей комедіи и, во избѣжаніе разныхъ, неудобныхъ для него толкованій ея, написалъ Развязку Ревизора, гдѣ объясняетъ, что всѣ, выведенные въ Ревизорѣ, лица не дѣйствительные люди, а наши душевныя качества, настоящій ревизоръ—наша совѣсть.)

Кромѣ общественнаго своего значенія комедія *Ревизоръ* замѣчательна и въ теоретическомъ отношеніи. Она представляетъ собою образецъ драматическаго произведенія, въ которомъ нѣтъ ничего лишняго, ничего замедляющаго и останавливающаго ходъ дѣйствія. Самое дѣйствіе развивается совершенно есте-

ственно, вполнѣ обусловливаясь характерами дѣйствующихъ лицъ. Завязка и развязка, при всей простотѣ своей, въ высшей степени удачны, вслѣдствіе чего, дѣйствіе, отличаясь самымъ строгимъ единствомъ и замкнутостью въ самомъ себѣ, представляетъ вполнѣ законченное художественное цѣлое. Во всей піесѣ нѣтъ ничего такого, что бы не оправдывалось самой строгой драматической теоріей.

Темы и вопросы для изученія.

(Развитіе дѣйствія въ комедіи Ревизоръ. Завязка и развязка ея. Характеристика городничаго, Хлестакова. (*) Городничій, какъ главное дѣйствующее лицо. Почему Хлестакова нельзя считать главнымъ лицомъ комедіи? Что имѣлъ въ виду авторъ, оканчивая комедію появленіемъ жандарма? Въ чемъ состоитъ единство дѣйствія въ комедіи Ревизоръ? Въ чемъ заключается комизмъ дѣйствующихъ лицъ? Какого рода (скрытую или открытую) борьбу ведутъ чиновники съ Хлестаковымъ?)

(*) См. письмо Гоголя послѣ перваго представленія Ревизора.

Разнообразные толки, возбужденные въ обществѣ *Ревизоромъ,* и собственные свои взгляды на значеніе комедіи вообще Гоголь воспроизвелъ въ небольшой піесѣ:

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪѢЗДЪ.

Обобщая мысли, высказанныя въ этой піесѣ и составляющія вмѣстѣ съ тѣмъ мысли самого автора, можно сдѣлать слѣдующія заключенія.

Завязка комедіи должна обнимать всѣ лица, а не одно или два—коснуться того, что волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Завязка не должна исключительно выражаться въ любовной интригѣ:.... «какъ слаба эта «завязка даже у самыхъ лучшихъ комиковъ, какъ «ничтожны эти театральные любовники...» Сто«итъ оглядѣться пристально вокругъ. Все измѣ«нилось давно въ свѣтѣ. Теперь сильнѣе завязы«ваетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, «блеснуть и затмить, во что бы ни стало, друга«го, отмстить за пренебреженіе, насмѣшку...» «страхъ идущаго вдали закона. Не болѣе ли те«перь имѣютъ электричества чинъ, денежный «капиталъ, выгодная женидьба, чѣмъ любовь.»

Комедія должна быть картиной и зеркаломъ общественной жизни, она должна служить ис-

правленію нравовъ силою своей насмѣшки, должна производить въ зрителѣ благородное отвращеніе отъ низости и подлости общественной.

Поэтому комедія имѣетъ одинаковое значеніе съ трагедіей.

«Развѣ положительное и отрицательное не можетъ служить одной и той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить одну и ту «же высокую мысль? Развѣ все, до малѣйшей «излучины души подлаго и безчестнаго человѣка, «не рисуетъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ «все это накопленіе низостей, отступленіе отъ «законовъ и справедливости, не даетъ уже знать, «чего требуетъ отъ насъ законъ, долгъ, и справедливость? Въ рукахъ искуснаго медика и холодная и горячая вода лѣчатъ съ одинаковымъ «успѣхомъ. Въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокою мыслію послужить прекрасному.»

Существуетъ большое различіе между серьезною комедіей и тѣми, наполненными внѣшнесмѣшными положеніями, піесами, въ которыхъ «одинъ спрятался подъ стулъ, а другой вытащилъ «его оттуда за ногу. Смѣхъ, который слышится «въ комедіи, подобной *Ревизору,* глубокъ и значителенъ.» Не тотъ смѣхъ, который порождает-

«ся временною раздражительностію, желчнымъ «болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не «тотъ также легкій смѣхъ, который весь изле«таетъ изъ свѣтлой природы человѣка, изле«таетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заклю«ченъ вѣчно-бьющійся родникъ его, но кото«рый углубляетъ предметъ, заставляетъ высту«пить ярко то, что проскользнуло бы, безъ «проницающей силы котораго мелочь и пусто«та жизни не испугала бы такъ человѣка..... «Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, «будто смѣхъ возмущаетъ! Возмущаетъ только «то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое возму«тило бы человѣка, бывъ представлено въ на«готѣ своей, но, озаренное силою смѣха, не«сетъ оно уже примиреніе въ душу. И тотъ, «кто понесъ бы мщеніе противъ злобнаго че«ловѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя «осмѣянными низкія движенія души его. Не«справедливо говорятъ, что смѣхъ не дѣй«ствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устрем«ленъ..... насмѣшки боится даже тотъ, кто уже «ничего не боится на свѣтѣ.»

Въ комедіи *Ревизоръ* нѣтъ ни одного привлекательнаго, честнаго лица. «Да если бы хо«тя одно лицо честное было помѣщено въ ко-

«медію и помѣщено со всею увлекательностію, «то всѣ бы до одного перешли на сторону «этого лица, и позабыли бы вовсе о тѣхъ, ко«торые испугали ихъ теперь.» Но и въ комедіи *Ревизоръ* дѣйствуетъ одно честное лицо, только оно незамѣтно сразу. «Это честное, «благородное лицо—смѣхъ. Онъ былъ благоро«денъ потому, что рѣшился выступить, нес«мотря на низкое значеніе, которое дается ему «въ свѣтѣ. Онъ былъ благороденъ потому, что «рѣшился выступить, не смотря на то, что «доставилъ комику, честно ему служившему, «обидное прозваніе холоднаго эгоиста.....»

Театральный разъѣздъ кончается страстнымъ лирическимъ указаніемъ на значеніе въ мірѣ поэзіи и ея представителей.

Темы и вопросы для изученія.

(Что такое комедія? Что такое комическое? Что такое поэзія? Взглядъ Гоголя на цѣль искусства. Взглядъ Пушкина.)

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Идея и сюжетъ самаго капитальнаго произведенія Гоголя, его поэмы *Мертвыя души* точно также, какъ и сюжетъ *Ревизора*, даны Гоголю Пушкинымъ.

«Пушкинъ давно уже склонялъ меня при-«няться за большое сочиненіе,» говоритъ Гоголь въ своей Авторской исповѣди, «и нако-«нецъ одинъ разъ, послѣ того какъ я ему «прочелъ одно небольшое изображеніе небол-«шой сцены, но которое, однако-жь, порази-«ло его больше всего мной прежде читаннаго, «онъ мнѣ сказалъ: «Какъ съ этой способностью «угадывать человѣка и нѣсколькими чертами «выставлять его вдругъ всего, какъ живаго, съ «этой способностью не приняться за большое «сочиненіе! Это, просто, грѣхъ!» Вслѣдъ за «этимъ началъ онъ представлять мое слабое «сложеніе, мои недуги, которые могутъ прек-«ратить мою жизнь рано, привелъ мнѣ въ при-«мѣръ Сервантеса, который, хотя и написалъ «нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ «повѣстей, но, если бы не принялся за Дон-«кихота, никогда бы не занялъ того мѣста, ко-

«торое занимаетъ теперь между писателями, и, «въ заключеніе всего, отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ «сдѣлать самъ что—то въ родѣ поэмы, и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ «никому другому. Это былъ сюжетъ *Мертвыхъ «душъ*... На этотъ разъ я и самъ уже задумался серьезно... Послѣ *Ревизора* я почувствовалъ болѣе, чѣмъ когда либо прежде, потребность сочиненія полнаго, гдѣ бы было уже «не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться. «Пушкинъ находилъ, что сюжетъ *Мертвыхъ «душъ* хорошъ для меня тѣмъ, что даетъ полную свободу изъѣздить вмѣстѣ съ героемъ «всю Россію и вывести множество самыхъ «разнообразныхъ характеровъ» Начавъ писать сначала безъ опредѣленнаго плана, Гоголь началъ потомъ строго обдумывать свою работу. «И чѣмъ я болѣе обдумывалъ свое сочиненіе, говоритъ онъ, тѣмъ болѣе видѣлъ, что «не случайно слѣдуетъ мнѣ взять характеры..., «но избрать одни тѣ, на которыхъ замѣтнѣе и «глубже отпечатлѣлись истинно русскія, коренныя свойства наши... Мнѣ хотѣлось, чтобы, по прочтеніи моего сочиненія, предсталъ, «какъ бы невольно, весь русскій человѣкъ, со

«всѣмъ разнообразіемъ даровъ и богатствъ, «доставшихся на его долю, преимущественно «предъ другими народами, и со всѣмъ множе«ствомъ тѣхъ недостатковъ, которые находят«ся въ немъ, также преимущественно предъ «всѣми другими народами.» Но выполнить всю эту широкую задачу Гоголю не удалось, такъ какъ вполнѣ обработаннымъ и законченнымъ слѣдуетъ считать только первый томъ, а второй уже представляетъ много фальшиваго и ложнаго, созданнаго подъ вліяніемъ ложныхъ теорій.—Въ первомъ же томѣ выступаетъ единственно темная, пошлая сторона русской жизни. Объ этомъ томѣ самъ Гоголь въ своемъ предисловіи ко 2-му изданію *Мертвыхъ душъ* «говоритъ слѣдующее: «Изображенъ въ ней «(книгѣ) человѣкъ, взятый изъ нашего госу«дарства. Ѣздитъ онъ по нашей русской зем«лѣ, встрѣчается съ людьми всякихъ сословій, «отъ благородныхъ до простыхъ. Взятъ онъ «больше за тѣмъ, чтобы показать недостатки и «пороки русскаго человѣка, а не его достоин«ство и добродѣтели, и всѣ люди, которые «окружаютъ его, взяты также затѣмъ, чтобы «показать наши слабости и недостатки: лучшіе «люди и характеры будутъ въ другихъ частяхъ.»

Подобное обѣщаніе Гоголь не разъ даетъ и въ первомъ томѣ: придетъ время «когда инымъ «ключемъ грозная вьюга вдохновенія подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и «блистаніе главы, и почуютъ, въ смущенномъ «трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей» (гл. VII) И въ главѣ XI:.... «можетъ быть, въ «сей же самой повѣсти почуются иныя, еще «небранныя доселѣ струны, пройдетъ мужъ, «одаренный божественными доблестями, или «чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ.....»

Но все то, что является какъ бы намекомъ на исполненіе этого обѣщанія, отзывается, какъ уже мы говорили, самой ложной моральной подкладкой и чистой фантазіей автора, которой онъ хотѣлъ пріобрѣсти благоволеніе своихъ друзей и которой только доказалъ, что «людей дѣйствительныхъ», героевъ въ головѣ не выдумать, если ихъ нѣтъ въ наличной дѣйствительной жизни (*См. біографическую замѣтку о Гоголѣ*).

Въ художественномъ значеніи со всѣмъ нельзя, впрочемъ, отказывать многимъ мѣстамъ и втораго тома, но это именно тѣ мѣста, которыя являются прямымъ продолженіемъ перваго, т. е.

рисуютъ русскую жизнь съ ея темной отрицательной стороны, изображаютъ ея недостатки, пошлость и комичность. Таковы типы Тѣнтѣтникова, Пѣтуха, Хлобуева; идеальныя же личности Улиньки, Костанжагло, Муразова, не имѣютъ почти ни одной жизненной, правдивой черты и представляютъ рѣшительное преобладаніе идеи надъ формой.

Главное дѣйствующее лицо поэмы П. И. Чичиковъ, «плутоватый человѣкъ,» или пріобрѣтатель, какъ называетъ его самъ авторъ. Господствующая страсть его—страсть къ пріобрѣтенію, развившаяся вслѣдствіе внутренней склонности, уроковъ отца и разныхъ обстоятельствъ. Поговоривъ однажды съ однимъ секретаремъ, Чичиковъ задумываетъ еще неслыханную спекуляцію. Узнавъ, что умершіе крестьяне (мертвыя души) еще долго числятся въ ревизскихъ сказкахъ послѣ смерти, Чичиковъ задумалъ скупить ихъ у помѣщиковъ, переселить на бумагѣ въ Херсонскія земли, объявить себя помѣщикомъ этого фантастическаго имѣнія и потомъ обратить его въ наличный ка-

питалъ посредствомъ залога. И вотъ, что бы привести въ исполненіе свой планъ, Чичиковъ пріѣзжаетъ въ одинъ городъ, знакомится съ чиновниками, а затѣмъ отправляется по деревнямъ къ помѣщикамъ, съ которыми и устроиваетъ свои сдѣлки. Здѣсь выходятъ на сцену помѣщики: Маниловъ, Ноздревъ, Собакевичъ, Плюшкинъ и помѣщица Коробочка.

Авторъ подробно останавливается на характеристикѣ Чичикова, на его воспитаніи и жизни до начала дѣйствія поэмы (См. т. I. гл. XI и I.)

Типы помѣщиковъ, выведенные въ первомъ томѣ, можно подвести къ двумъ родамъ: «въ однихъ выражается страшная распущенность характера, которую одинаково находимъ, хотя и въ совершенно различномъ видѣ, въ недѣятельномъ Маниловѣ (гл. II) и въ дѣятельномъ Ноздревѣ (гл. IV); другіе, каковы: Коробочка (гл. III), Собакивичъ (гл. V) и Плюшкинъ (гл. VI) представляютъ собой людей съ тугимъ, сосредоточеннымъ характеромъ, но у которыхъ, при мелкомъ разсчетѣ, главными чертами служатъ: или тупость, или дикая грубость, или

совершенная скаредность. Подобные типы могли рождаться только посреди крайняго невѣжества, посреди праздной и пустой жизни. Но Гоголь ими не ограничивается. Онъ касается и жизни *народной,* рисуетъ и лицъ изъ простонароднаго быта, каковы дворовые люди Чичикова: Петрушка съ его собственнымъ запахомъ, съ его вѣчнымъ лежаньемъ на убитомъ, какъ блинъ, матрацѣ, и кучеръ Селифанъ, очень серьезный въ трезвомъ видѣ и любящій подъ хмѣлькомъ читать нравоученія лошадямъ, Селифанъ, который, сваливъ бричку съ бариномъ въ грязь, совершенно флегматически замѣчаетъ: «Вишь ты и перекинулась!» Нѣкоторыя черты народной жизни мѣтко выставлены въ разсужденіяхъ Чичикова о купленныхъ имъ крестьянахъ: Неуважай—корыто, Пробка, Волокита и пр.» (гл. VII).

«Чиновники губернскаго города, хотя жизнь ихъ и не описана подробно, также живо рисуются предъ нами: губернаторъ, умѣющій вышивать по тюлю, предсѣдатель палаты, самъ полицмейстеръ, отецъ народа, о которомъ купцы говорятъ: «Оно, хотя и возьметъ, да не выдастъ! прокуроръ, почтмейстеръ, наивный не

менѣе того, который выведенъ въ комедіи Ревизоръ и проч.» (См. гл. I, VI).

«Описаніе губернскихъ дамъ на балу у губернатора, также какъ разговоры дамы, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, съ просто пріятной дамой, составляетъ верхъ искусства (гл VIII, IX)

Мелкое женское самолюбіе, пошлая сантиментальность въ соединеніи съ искреннимъ обожаніемъ золотаго кумира, безумная страсть къ нарядамъ, доведенная до болѣзненныхъ припадковъ страсть къ сплетнямъ, вѣчно праздная, занятая одними пустяками, фантазія, глупое самодовольство и чопорность—вотъ отличительныя свойства этихъ милыхъ существъ »

Весьма хариктеристично, наконецъ, описаніе и внѣшности губернскаго города (гл. I).

«Собственно говоря, Чичиковъ—душа того общества, среди котораго является. Въ немъ Гоголь превосходно выставилъ примирительный, уживчивый характеръ, мягкость и благодушіе тонкаго плута, или иначе, искуснаго пріобрѣтателя. Тогда какъ всѣ другія лица выдаются какой-н. опредѣленной, рѣзкой чертой, Чичиковъ соединяетъ въ себѣ въ самомъ утонченномъ, усовершенствованномъ видѣ, качества, принадлежащія этимъ другимъ лицамъ:

онъ сантименталенъ, но безъ той навязчивости и приторности, какъ Маниловъ; онъ заботливъ о своей выгодѣ не менѣе Коробочки и Собакевича, но въ немъ эта заботливость соединяется съ самыми пріятными манерами и съ нѣкоторою широтою взгляда, такъ какъ онъ жертвуетъ мелочными выгодами, чтобы разомъ схватить хорошій кушъ; онъ не прочь щегольнуть, кутнуть (особенно на чужой счетъ) въ случаѣ удачи, но никогда не дойдетъ до безобразія Ноздрева». (См. *Новую русскую литературу Водовозова 369—370 стр.).*

Самъ Гоголь придавалъ широкое значеніе типу Чичикова, утверждая, хотя и не прямо, что почти всѣ имѣютъ въ себѣ хоть немного *Чичиковщины:* «А кто изъ васъ, полный христіанскаго смиренія, не гласно, а въ тишинѣ, «одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собою, углубитъ во внутрь собственной «души сей тяжелый запросъ: «А нѣтъ ли и во «мнѣ какой-либо части Чичикова?»

— Изъ этого общаго обзора содержанія *Мертвыхъ душъ* становится уже понятнымъ, почему Гоголь назвалъ это произведеніе поэмой.

Мертвыя души даютъ намъ широкую и полную картину русской жизни вообще. При «каж-

домъ словѣ поэмы Гоголя,» говоритъ Бѣлин-«скій,» читатель можетъ говорить: «здѣсь рус-«скій духъ, здѣсь Русью пахнетъ. Этотъ рус-«скій духъ ощущается и въ юморѣ, и въ иро-«ніи, и въ выраженіи автора, и въ размашис-«той силѣ чувствъ, и въ лиризмѣ отступленій, «и въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, отъ «Чичикова до Селифана и подлеца чубараго «включительно..... Не въ шутку назвалъ Гоголь свой романъ *поэмой* и не комическую поэму «разумѣлъ онъ подъ ней: все въ ней серьезно, «спокойно и истинно, и глубоко (т. VI) .

Съ другой стороны по общему содержанію и плану *Мертвыя души* довольно сходны съ *Одиссеей*: Чичиковъ—это русскій *Одиссей*, «хитроумный,» какъ и тотъ, странствующій по Россіи, какъ странствовалъ по греческимъ морямъ Одиссей и, наконецъ, отражающій въ себѣ характеристическія черты весьма многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, какъ Одиссей является представителемъ греческой націи.

Наконецъ, если обратить вниманіе на изложеніе *Мертвыхъ душъ*, нельзя не замѣтить во многихъ мѣстахъ подражанія эпическому слогу твореній Гомера. Особенно замѣчательны многочисленныя сравненія. Въ примѣръ приводимъ

слѣдующія: «Все было залито свѣтомъ. Чер-
«ные фраки мелькали и носились врознь и ку-
«чами тамъ и сямъ, какъ носятся мухи на бѣ-
«ломъ сіяющемъ рафинадѣ въ пору жаркаго
«іюльскаго лѣта, когда старая ключница ру-
«битъ и дѣлитъ его на сверкающіе обломки
«передъ открытымъ окномъ: дѣти всѣ глядятъ,
«собравшись вокругъ, слѣдя любопытно за
«движеніями жесткихъ рукъ ея, подымающихъ
«молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, подня-
«тые легкимъ воздухомъ, влетаютъ смѣло, какъ
«полные хозяева, и, пользуясь подслѣпова-
«тостью старухи и солнцемъ, безпокоящимъ
«глаза ея, обсыпаютъ лакомые куски, гдѣ въ
«разбитную, гдѣ густыми кучами. Насыщенныя
«богатымъ лѣтомъ, и безъ того на всякомъ
«шагу разставляющимъ лакомыя блюда, онѣ
«влетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но
«чтобы только показать себя, пройтись, взадъ
«и впередъ по сахарной кучѣ, потереть одна
«о другую заднія или переднія ножки, или по-
«чесать ими подъ крылышками у себя, или,
«протянувши обѣ переднія лапки, потереть
«ими у себя надъ головою, повернуться и
«опять прилетѣть съ новыми докучными эскад-
«ронами» (гл. I).

«.....Псы заливались всѣми возможными го-
«лосами: одинъ, забросивши вверхъ голову,
«выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стара-
«ніемъ, какъ будто получалъ за это, Богъ знаетъ,
«какое жалованье; другой отхватывалъ наско-
«ро; промежъ ихъ звенѣлъ, какъ почтовый
«звонокъ, неугомонный дискантъ, вѣроятно,
«молодаго щенка, и все это повершалъ басъ,
«можетъ быть, старикъ, надѣленный дюжей со-
«бачей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ
«хрипитъ пѣвческій контрабасъ, когда концертъ
«въ полномъ разливѣ, тенора поднимаются на
«цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высо-
«кую ноту, и все, что ни есть, порывается къ
«верху, а онъ одинъ, засунувши небритый под-
«бородокъ въ галстухъ, присѣвъ и опустившись
«почти до земли, пропускаетъ оттуда свою
«ноту, отъ которой трясутся и дребезжатъ
«окна» (гл. III).

— «Ну, слушайте же, что такое эти мертвыя
«души, сказала дама, пріятная во всѣхъ отно-
«шеніяхъ, и гостья при такихъ словахъ вся
«превратилась въ слухъ, ушки ея вытянулись
«сами собою, она приподнялась, почти не си-
«дя и не держась на диванѣ..... Такъ, русскій
«баринъ охотникъ, подъѣзжая къ лѣсу, изъ ко-

«тораго вотъ-вотъ выскочитъ оттопанный до-«ѣзжачими заяцъ, превращается весь съ своимъ «конемъ и поднятымъ арапникомъ въ одинъ «застигшій мигъ, въ порохъ, къ которому вотъ-«вотъ поднесутъ огонь. Весь впился онъ оча-«ми въ мутный воздухъ и ужъ настигнетъ звѣ-«ря, ужъ допечетъ его, неотбойный, какъ ни «воздымайся противъ него вся мутящая снѣго-«вая степь, пускающая серебряныя звѣзды ему «въ уста, въ усы, въ очи, въ брови и въ бор-«ровую его шапку» (гл. IX).

Другая особенность изложенія *Мертвыхъ Душъ* заключается въ его *лиризмѣ*. Во многихъ мѣстахъ Гоголь, какъ бы пораженный грязью и пошлостью изображаемой имъ жизни,—бросаетъ ее и отдыхаетъ, рисуя въ страстныхъ лирическихъ выраженіяхъ идеальныя картины, высказывая мысли и чувства, непохожія на тѣ, какія свойственны его героямъ. Въ другихъ мѣстахъ Гоголь обращается къ читателю, умоляя его не терять идеаловъ и заботиться о высшемъ своемъ духовномъ развитіи чтобы не опошлиться и уподобиться героямъ поэмы.

Наконецъ, изображая только одну темную сторону жизни, Гоголь чувствовалъ, что онъ становится въ другія отношенія къ обществу, чѣмъ писатель, изображающій свѣтлую сторону жизни; желая оправдать себя, онъ не разъ высказывается по этому поводу. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи начало 7-й главы. Слѣдуетъ обратить также вниманіе на два *обращенія* къ Руси, гдѣ выражается предчувствіе великихъ судебъ, ожидающихъ ее, на заключеніе характеристики Плюшкина, которая содержитъ въ себѣ высокій нравственный совѣтъ. (См. гл. XI, гл. VI.).

Замѣчательны также въ *Мертвыхъ Душахъ* нѣкоторыя отдѣльныя описанія, считающіяся классическими. Таково описаніе сада Плюшкина (гл. VI), описаніе дороги (гл. XI). Эти описанія и этотъ лиризмъ какъ-бы отчасти умѣряютъ то тяжелое грустное впечатлѣніе, какое должна производить на каждаго неприглядная картина русской общественной жизни. Но это же тяжелое впечатлѣніе ясно говоритъ и о пользѣ книги, которая, изображая пошлость и безобразіе, тѣмъ самымъ направляетъ мысль и чувства къ предмету противуположному—къ прекрасному и высокому, къ разум-

ной и нравственной жизни. Рѣзкая сатира заставляетъ читателей внимательнѣе оглядѣться около себя, вдуматься въ свои цѣли и интересы и строже разобраться въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Тѣ слезы, которыя слышатся у автора въ этой сатирѣ, дѣлаютъ ее задушевною проповѣдью, которая еще болѣе убѣдительно должна дѣйствовать на читателей и несетъ уже примиреніе въ ихъ душу.

Въ первомъ томѣ *Мертвыхъ душъ* Гоголь показалъ, однимъ словомъ, какъ глубоко онъ понималъ значеніе истиннаго комизма, и приходится только искренно жалѣть, что онъ не остался до конца на высотѣ этого пониманія и, подъ вліяніемъ ложныхъ взглядовъ и совѣтовъ, отказался въ своей Перепискѣ отъ своего значенія, какъ комическаго писателя и осудилъ всѣ свои произведенія, какъ ничтожныя и стоющія одного презрѣнія.

Темы и вопросы для изученія.

Воспитаніе Чичикова. Его дѣятельность до начала поэмы. Характеристика Манилова Ноздрева, Собакевича, Плюшкина, Коробочки. Простой народъ по поэмѣ Гоголя. Губернскій

городъ. Указать лирическія мѣста въ гл. III, V, VI, VII, X, и XI и опредѣлить ихъ значеніе и отношеніе къ ходу разсказа. Указать всѣ сравненія и сопоставить ихъ съ сравненіями въ Иліадѣ. Въ чемъ состоитъ значеніе комическаго писателя? Чѣмъ пріобрѣтается уваженіе окружающаго насъ общества? О вліяніи бѣдности и богатства на духовную жизнь человѣка: Скупой богачъ бѣднѣе нищаго. Плюшкинъ и Скупой рыцарь (Пушкина).

ЗНАЧЕНІЕ ГОГОЛЯ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Изъ представленныхъ разборовъ главнѣйшихъ произведеній Гоголя уже достаточно видно, какое высокое мѣсто занимаетъ онъ и его направленіе въ исторіи русской литературы.

а) Гоголь, какъ уже мы упоминали, смѣнилъ собою Пушкина и увлекъ на новый путь цѣлый рядъ даровитыхъ послѣдователей, предложивъ въ своихъ произведеніяхъ истинные образцы правдиваго и естественнаго отношенія къ русской дѣйствительности.

Послѣ Гоголя исчезли въ нашей литературѣ

послѣдніе слѣды ложно—классицизма, ложной мечтательности и чувствительности, такъ долго отчуждавшихъ русскую литературу отъ жизни. Въ этомъ отношеніи Гоголь есть прямой продолжатель Пушкина.

Послѣ Гоголя, вмѣсто заоблачной дали потребовались картины жизни дѣйствительной, вмѣсто одиночныхъ героевъ—поэтическое воспроизведеніе явленій русской общественности.

Жизненная правда, конечно, замѣтна и во многихъ произведеніяхъ и до Гоголя. Она сказывается во многихъ мѣстахъ нашей лѣтописи, въ Словѣ о полку Игоревѣ, въ сатирѣ Кантеміра, Фонъ—Визина, въ сатирическихъ журналахъ времени Екатерины II, въ одахъ Державина, у Радищева. Въ XIX вѣкѣ этой правды полна комедія Грибоѣдова, басни Крылова, картины русской жизни у Пушкина и Лермонтова. Но окончательно стремленіе къ этой правдѣ пробивается и могучимъ потокомъ охватываетъ почти всю нашу литературу только со времени Гоголя. Гоголь, какъ говоритъ г. О. Миллеръ, *уничтожилъ разъ на всегда маниловщину* въ рус. литер. заставивъ ее служить дѣйствительнымъ неотложнымъ потребностямъ русской жизни.

Въ этомъ смыслѣ Гоголь считается первымъ прѐдставителемъ такъ называемой, хотя и не совсѣмъ точно, *натуральной* школы.

Въ этой школѣ наиболѣе существенное значеніе заключается въ томъ, что въ ней литература впервые получаетъ значеніе *общественной силы*. Это было уже не отвлеченное служеніе прекрасному, не общечеловѣческое нравоученіе—литература затронула настоящіе вопросы жизни, высказала давно зрѣвшія мысли лучшей части общества, накопившуюся скорбь о недостаткахъ жизни и стремленіе къ лучшему порядку вещей, къ болѣе высокой степени гражданскаго и человѣческаго развитія.

Въ этой школѣ Бѣлинскій высоко ставитъ то, что подъ ея вліяніемъ «поэзія перестала «безстыдно лгать и изъ дѣтской сказки пре«вратилась въ быль, не всегда пріятную, от«казалась быть гремушкой, подъ которую пріятно прыгать и засыпать.» Самъ Гоголь сознаетъ это. Въ XI главѣ перваго тома *Мертвыхъ душъ* онъ говоритъ: «Да, мои добрые читатели, вамъ бы не хотѣлось видѣть обнаруженную человѣческую бѣдность. За чѣмъ, говорите вы, къ чему это? Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго

въ жизни. И безъ того случается намъ часто видѣть то, что вовсе неутѣшительно. Лучше представляйте намъ прекрасное, увлекательное; пусть лучше позабудемся мы. «Зачѣмъ ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣла въ хозяйствѣ идутъ скверно? говоритъ помѣщикъ прикащику: я, братъ, это знаю безъ тебя, да у тебя рѣчей развѣ нѣтъ другихъ, что ли? Ты дай мнѣ позабыть это, не знать этого—я тогда счастливъ».

И вотъ тѣ деньги, которыя поправили бы сколько ниб. дѣло, идутъ на разныя средства для приведенія себя въ забвеніе..... а тамъ имѣніе бухъ съ аукціона—и пошелъ помѣщикъ забываться по міру»....

Бѣлинскій хвалитъ въ *натуральной* школѣ и то, что она обнимаетъ весь человѣческій міръ, не гнушаясь никакимъ его угломъ, что она обращается ко всякаго рода людямъ и во всѣхъ этихъ людяхъ умѣетъ отыскать и выставить на видъ человѣческія черты.

Въ этомъ широкомъ смыслѣ школа Гоголя продолжается до сихъ поръ.

б) *«Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся»*, вырѣзана надпись на гробницѣ Гоголя; и дѣйствительно, Гоголь вывелъ на показъ безъ пощады всю мерзость и пошлость современ-

наго ему русскаго общества; и тутъ же онъ *плакалъ* надъ этой мерзостью и пошлостью; сквозь смѣхъ прорывались незримыя, но горячія слезы надъ человѣческимъ несовершенствомъ, надъ недостатками горячо любимой имъ русской земли.

Гоголь считается представителемъ русскаго *юмора* и по силѣ его не уступаетъ Диккенсу и Теккерею.

Обобщая разбросанныя замѣтки о *юморѣ* у самого Гоголя и разъясняя ихъ, мы можемъ указать на слѣдующія характеристичныя черты юмористическаго направленія въ литературѣ, и юмора, какъ извѣстнаго душевнаго состоянія.

1) *Юморъ* — это смѣхъ сквозь слезы надъ человѣческимъ несовершенствомъ, вслѣдствіе отклоненія человѣка отъ разумнаго нравственнаго идеала. (*Старосвѣтскіе помѣщики.*)

2) Такъ какъ подобное несовершенство очень часто зависитъ отъ жалкой обстановки, отъ ничтожности положенія и общественнаго значенія, то содержаніемъ юмористическихъ произведеній по преимуществу служитъ воспроизведеніе скучной, печальной дѣйствительности жизни низшаго класса общества, *обиженныхъ, оскорбленныхъ и угнетенныхъ людей* (*Шинель.*

См. *лирическое мѣсто въ началѣ VII главы* перваго тома *Мертвыхъ душъ,* гдѣ находится сопоставленіе крайняго идеализма съ юморомъ).

3) Но матеріалъ, взятый изъ *презрѣнной жизни,* писатель силою своего таланта долженъ обработать и возсоздать въ художественныхъ, законченныхъ типахъ, чтобы его произведенія являлись «перломъ созданія.»

4) Для юмориста нѣтъ ничего безусловно великаго; онъ знаетъ, благодаря своей наблюдательности, что отъ великаго до смѣшнаго только одинъ шагъ; ему приходится часто видѣть, какъ «ничтожныя причины родятъ вели-«кія событія и, наоборотъ, великія предпріятія «оканчивались ничтожными слѣдствіями» (См. *Старосвѣт. помѣщ.*). Вслѣдствіе этого, изложеніе юмористическихъ произведеній отличается подробностью и обстоятельностью при описаніи самыхъ пустыхъ обстоятельствъ и мелочей. (Указать примѣры въ *Старосвѣтскихъ помѣщикахъ,* въ *Шинели,* въ *Мертвыхъ душахъ*). Тонъ изложенія при этомъ самый серьезный, почти торжественный. Авторъ сознательно допускаетъ *несоотвѣтствіе формы съ содержаніемъ,* чѣмъ и дѣйствуетъ на читателя. «На-«пряженіе воображенія въ юморѣ обратное то-

«му, какое требуется для произведенія сатиры. «Въ послѣдней великое и важное нарочно умень- «шается и представляется незначительнымъ; «въ юмористич. произведеніи, напротивъ, малое «показывается великимъ..... Отсюда понятно, «что не всякое содержаніе доступно для юмора. «Истинно великое въ дѣлахъ человѣческихъ «или въ природѣ не допускаетъ юмористичес- «кой формы изложенія..... Лишь только юмо- «ристу приходится касаться глубокихъ чувствъ, «онъ долженъ на это время покинуть свой тонъ... «Что авторъ по временамъ, сообразно съ со- «держаніемъ, мѣняетъ свой тонъ, это ни мало «не вредитъ художественной цѣльности произ- «веденія, напротивъ, контрастъ въ формахъ «изложенія усиливаетъ впечатлѣніе: на немно- «гихъ простыхъ задушевныхъ страницахъ, ко- «торыя по временамъ смѣняютъ юмористичес- «кія, читатель отдыхаетъ, собирается съ духомъ, «чтобы снова отдаться въ руки юмориста.— «За то все мелкое, но тщеславное, пустое, но «воображающее о себѣ очень много, пошлое, «но считающее себя средоточіемъ въ жизни, «рутина и невѣжество, полагающія себя какъ «особую мудрость и т. д.—все это можетъ да- «вать прекрасный матеріалъ для юмориста. Го-

«воря въ тонъ мелкимъ рутинерамъ и пошля-«камъ и еще преувеличивая ходульность ихъ «воззрѣній, отношеній къ жизни, къ обществу, «людямъ, представляя ихъ дѣйствія, событія «въ ихъ жизни, ихъ персоны чрезвычайно зна-«чительными, юмористъ вызываетъ въ читателѣ, «осуждающій смѣхъ надъ этимъ міромъ». (См. Психологію г. *Владиславлева* VI ч. 392—393 стр.).

5) Отъ сатиры юморъ отличается еще тѣмъ, что въ сатирѣ авторъ осмѣиваетъ разные общественные недостатки рѣзко и горячо, не скрывая своего собственнаго негодованія. Юмористическія же произведенія по изложенію спокойны и мягки; въ нихъ не слышится ненависти къ человѣку, а состраданіе къ нему, сожалѣніе. Сатира возбуждаетъ негодованіе и злобу въ читателѣ, юморъ несетъ уже примиреніе въ душу, благодаря вездѣ чувствующейся любви автора къ печальному и несовершенному человѣчеству. Это зависитъ, конечно, отъ свойства самихъ недостатковъ, выводимыхъ въ сатирѣ и юмористич. произведеніяхъ. (См. выше разборъ *Старосвѣтскихъ помѣщ.*).

6) Дѣятельность Гоголя, какъ писателя, замѣчательна, наконецъ, тѣмъ, что онъ ввелъ въ поэзію *глубокій психическій анализъ,* который и зани-

маетъ въ произведеніяхъ его послѣдователей весьма видное мѣсто (Достоевскій). Нельзя сказать этого о всѣхъ типахъ Гоголя, но нѣкоторыя характеристики могутъ служить въ этомъ отношеніи образцами. Таковы характеристики Плюшкина, Чичикова, Тентетникова, т. е. характеристики лицъ послѣдняго художественнаго произведенія Гоголя. Мотивировка дѣйствій лица, т. е. объясненіе, по чему онъ *такъ* поступилъ, а не *иначе* много зависитъ, конечно, отъ большей или меньшей степени наблюдательности въ авторѣ. Гоголь, по собственному признанію, былъ очень наблюдателенъ. «Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи, «говоритъ онъ въ своей *Исповѣди,* и не имѣлъ «этого свойства. У меня только то и выходило «хорошо, что взято мной изъ дѣйствительности, «изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности «его внѣшности. Я никогда не *писалъ* портрета въ смыслѣ простой копіи. Я *создавалъ* «портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе соображенія, а не воображенія. Чѣмъ больше вещей принималъ я въ соображеніе, тѣмъ у меня «вѣрнѣе выходило созданіе.»

ОГЛАВЛЕНІЕ

I Введеніе 5
II Біографическая замѣтка 9
III Сочиненія Гоголя 26
1.) Вечера на хуторѣ 28
2.) Миргородъ 33
3.) Петербурскія повѣсти 37
а) Портретъ 63
б) Шинель 72
4.) Ревизоръ 75
5.) Мертвыя души 86
IV Значеніе Гоголя въ р. Литературѣ 101

THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW

AN INITIAL FINE OF 25 CENTS
WILL BE ASSESSED FOR FAILURE TO RETURN
THIS BOOK ON THE DATE DUE. THE PENALTY
WILL INCREASE TO 50 CENTS ON THE FOURTH
DAY AND TO $1.00 ON THE SEVENTH DAY
OVERDUE.

JUN 15 1968

RECEIVED
APR 2 1968 -8 PM

RECEIVED
FEB 08 1994
EDUCATION DEPT.

LD 21-50m-1,'33

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C043144079

420313

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY